

Виталий Поршнеv

роман

Серпухов

18+

Виталий Поршнеv

Серпухов

«Автор»

2026

Поршнеv В.

Серпухов / В. Поршнеv — «Автор», 2026

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АВТОРА СОДЕРЖАТ УПОМИНАНИЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ. 18+ НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ
АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ
ОБОРОТ ЗАПРЕЩЁН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ Роман состоит из
нескольких законченных повестей, объединенных в общее произведение
местом действия, временем, героями.

© Поршнеv В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
«СОЛОМЕННАЯ КУКЛА»	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	13
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	17
ГЛАВА ПЯТАЯ	20
ГЛАВА ШЕСТАЯ	24
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	27
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	30
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	32
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	35
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	39
ЧАСТЬ 2	42
«ХИЩНИК И ЖЕРТВА»	42
ГЛАВА ПЕРВАЯ	43
ГЛАВА ВТОРАЯ	48
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	51
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виталий Поршнев
Серпухов

ЧАСТЬ 1

«СОЛОМЕННАЯ КУКЛА»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я – Крылов Василий Михайлович, частный детектив. Ко мне в прекрасное летнее утро звонит ФСБшник Семенов, приятель и собутыльник.

– Здорово, Васька! – кричит он так громко, что телефон трясется.

– Чего тебе? – спрашиваю я невесело. У меня материальные проблемы, а Семенов не заказчик, и радоваться его звонку пока нет причин.

– Дело есть! – как всегда в подобных случаях, говорит он.

– От тебя обычно убытки! – вяло говорю я.

– Ну, надо! – энергично просит он, – прокатишься в Серпухов? Погода отличная! Испу- паешься в Оке, немного развеешься! В Москве, не надоело?

– А что нужно сделать? – без интереса спрашиваю я.

– Что-то связанное со страховкой, узнай сам! Контакт в смс! Ну, давай, будем на связи! – говорит он и дает отбой. Я огорчаюсь: не люблю сам звонить. Так обычно не платят. Считают, что должны не мне, а Семенову.

Я без всякого желания договариваюсь о встрече, и через полчаса подъезжаю к страховой фирме «Компромисс» на мотоцикле. Выбираю этот вид транспорта и кожаную куртку с эмбле- мой известного клуба в надежде, что меня сочтут несерьезной личностью, и не будут нанимать. Среди частных детективов, мало любителей сотрудничать со страховыми агентствами. Они пользуются дурной славой, обманывают при расчете. Обычно мы зарабатываем на неверных женах и мужьях, это наш основной доход. Но Семенову разве откажешь?

– Бориса Натановича можно? – спрашиваю я охранника на входе хриплым голосом, в стиле образа, который разыгрываю. Охранник щурится от блестящих заклепок на моей одежде, и, прикрывая глаза ладонью, недружелюбно интересуется:

– Вы по какому вопросу?

Отвечая ему, я осматриваясь. Обычный московский офис: дорогие машины руководства на стоянке, бездельничающие сотрудники в летней куртке.

– Вас проводят! – охранник передает меня секретарше, очень симпатичной женщине лет тридцати. Идя за ней, я разглядываю ее фигуру. Удовольствие, которое я при этом получаю, заставляет думать, что мой третий брак был не последним. Как говорится, седина в бороду – бес в ребро. Правда, в 50 лет седых волос у меня не наблюдается, чем я очень горжусь. Как и тем, что выгляжу моложе своего возраста.

Я улыбаюсь своему отражению в зеркалах приемной и направляюсь в кабинет управляющего, оставляя секретарше, для возможного поклонения, украшенный кристаллами мотоциклетный шлем. Принимая его, она восторгается.

Борис Натанович, мужчина в дорогом костюме, судя по смазанному рукопожатию, остается недоволен нашим знакомством. Как я и рассчитывал, мотоциклисты не нравятся страховщикам. Но он смиряется, предлагает сесть и наливает мне хороший виски. Для страхового агента неслыханная щедрость! Я внимательно слушаю его.

– Вы что-нибудь знаете о певице Виоле? – спрашивает он.

– Очень мало.

– Возможно, сценический образ знаком? – интересуется он.

– Да. В клубе видел постер! – я не уточняю, что в туалете.

– Недавно Виола пропала со сцены на концерте в Серпухове. Буквально за мгновение. Свет моргнул, и нет её!

– В полицию заявите! – даю я банальный совет.

– Заявили уже. – Он наливает мне ещё виски, и, подумав, берет стакан себе, – Там сказали, рок звезда! Наркотики, любовники. Как придет в себя, объявится!

– Они не ищут, а вам-то что? – недоумеваю я.

– Виолы не существует, это эстрадный бренд! – Объясняет мне собеседник. – Под видом Виолы, под фонограмму изображали пение несколько девушек. Главной у них была Ирина Бочковская. Так вот, она, и исчезла в Серпухове во время представления. Вчера приходила мама певицы. Осталась без копейки денег, с внучкой на руках. Плачет, просит помочь.

– У вас свои следователи есть? – спрашиваю я.

– Да, они в Серпухове были. Ничего не нашли. Составили отчет об отсутствии фактов мошенничества и уехали. – Борис Натанович отходит к окну и становится так, чтобы я не видел его лица. Не хочет показывать свои чувства. Говорит взволнованным голосом:

– Я надумал поддержать ее родственников. Если певица оказалась в больнице, по любой причине, тогда мы можем составить акт о несчастном случае, и оказать помощь в лечении. Или, не дай Бог, она погибла, ситуация также ясна: жизнь Ирины застрахована в пользу дочери. А неизвестность, очень неприятна. Как для нас, страховщиков, мы не знаем, как поступить, так и для её семьи. Я прошу, продублируете работу наших людей и полиции! Выясните, что случилось с певицей? Она мой друг, мне не все равно! – он вздыхает и смотрит на меня печально.

– Думаете, вам нужен такой детектив, как я?

– Мне кажется, да. Здесь напрашивается привлечение специалиста с особенным чутьем. Семёнов сказал, что вы долгое время сопровождали звезд на гастролях?

– Так точно.

– Вот и прекрасно! Попробуйте понять ситуацию, так сказать, на вкус и запах, а не умом!
– Он наливает виски себе, пьет залпом и говорит. – К тому же есть загадочные обстоятельства, хочется их прояснить!

– Какие? – мне становится любопытно.

– Во-первых, в тот вечер к выступлению готовилась не Ирина Бочковская, а местная девушка, актриса Маргарита Тихая. Это она организовала концерт в торгово -развлекательном центре Морстон. Ирина в последний момент сорвалась с места и поехала в Серпухов. Заявила мне, что будет выступать сама. Но почему? На вечер у неё были совсем другие планы. Она предлагала мне встретиться, обсудить новый проект.

– Неужели исполнительницы настолько похожи?

– Зрители не могли отличить их! Мы намеренно использовали рыжий парик, маски, нарисованные губы.

– Ну да, конечно! – я припоминаю постер. – Что вас смущает еще?

– Ещё...– он в задумчивости садится за стол. Сомневается, стоит ли, однако показывает мне фотографию. На ней изображена соломенная кукла с глазами из цветного стекла, которые выражают боль, страдание, ужас. Там, где у человека сердце, воткнута иглолка.

– Да... – говорю я, созерцая «произведение искусства»

– Да... – вторит мне Борис Натанович, положив фотографию на полированную поверхность стола.

– Что это за ...? – я заканчиваю вопрос паузой, так и не придумав, как лучше назвать куклу.

– Вот это загадка! – говорит Борис Натанович, оторвав взгляд от фотографии, – Реквизит Виолы тщательно учтен. В записях о кукле ничего нет, и персонал не помнит, чтобы видел похожее. Я показывал фото матери Ирины. Она отрицает, что члены семьи имеют отношение к этому, э... с вашего позволения выругаюсь, извращению. С Ириной я часто проводил время за пределами сцены, и уверяю вас, она очень милый человек. Использование вещей в таком ужасном стиле ей не свойственно! И вот мне кажется, что эти три события: ее внезапное решение уехать в Серпухов в тот день, таинственное исчезновение, и появление злой куклы, связаны между собой.

– В полиции знают о кукле? – спрашиваю я.

– Да, отдали на экспертизу. Не особенно не придали значения. По их мнению, обычная игрушка.

– А как оказалась она в деле?

– После пропажи Ирины куклу нашла в гримёрке Тихая. Сочла это важным и передала в органы.

Я задумываюсь. Желание паясничать прошло, дебила я больше не изображаю. Одет Борис Натанович вызывающе богато, обстановка в кабинете неуловимо отталкивающая, а мужик он, как ни странно, неплохой. Хочется ему помочь. Переживает за Ирину. Наверное, жениться хотел. Интересно, сколько денег на поиски не пожалеет?

– Вы хотите, чтобы я съездил в Серпухов, поговорил с работниками торгового центра и встретился с Маргаритой Тихой? Попробовал выяснить, каким образом и куда пропала Ирина, есть ли связь между ее пропажей и этой куклой?

– Да! – кивает головой Борис Натанович.

– Сколько платите? – спрашиваю я.

– Снимайте денег, сколько понадобится. Но не забывайте сообщать, чем занимаетесь! – Говорит Борис Натанович и передает мне «платиновую» банковскую карточку.

– Хорошо! При такой щедрости буду в Серпухове через час, тут всего восемьдесят километров.

Секретарша, прежде чем отдать мой головной убор, символически протирает его салфеткой.

– Хочешь, когда вернусь, покатаемся? – спрашиваю я девушку, разглядывая свое отражение на глянцевой поверхности каски.

– Только если вы мне такую же куртку, как у вас, подарите! – смеется она.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пока я ехал, страховщик договорился с серпуховской актрисой о встрече со мной.

И теперь я жду её в торговом центре «Морстон», прогуливаясь между бутиками. Манекены с голым торсом в витринах напоминают мне, что скоро соревнования по бодибилдингу среди ветеранов. Я напрягаю мышцы и пытаюсь представить своё выступление. В этот момент появляется Маргарита Тихая.

Нет, неверно выразился! Вот так нужно описывать: сквозь широко распахнутые двери, по белоснежной мраморной плитке, в здание wpłyвает легкой походкой звезда эстрады. Вызывают восхищение её волосы, в такт походке играющие волной, изящная поступь и неземная улыбка, от которой теряешь самообладание!

Девушка осматривает меня и спрашивает мелодичным голосом:

– Мужчина, а кого вы тут изображаете? Это с вами я должна встретиться?

Я неловко жму её, протянутую мне руку. Девушка с обаятельной улыбкой говорит:

– Осторожно, визитку не помните!

Я присматриваюсь, и вижу на её ладони карточку с информацией: «корреспондент, журналист года, писатель...»

– Похоже на ошибку, – неуверенно говорю я, – встреча назначена актрисе и вокалистке.

– А, – говорит девушка, по-моему, излишне небрежно, – это тоже я! Почитайте с обратной стороны. На этой, вся информация обо мне не поместилось!

– Не желаете ли, после, на мотоцикле прокатиться? – под впечатлением от знакомства, говорю я певиче свою коронную фразу, и показываю ей мотоциклетную каску, – для девушек держу точно такую же, но на ней кристаллов больше. Не представляете, какой драйв!

– Представляю, – отвечает она, искусственно зевнув, – мне поклонник кабриолет подарил, кристаллами весь салон отделан!

Я чувствую себя уничтоженным и молча слеую за Маргаритой к прозрачному лифту.

Поднявшись на этаж выше, я узнаю, что концертного зала в Морстоне, как такового, нет. Сцена, откуда исчезла Ирина Бочковская, расположена в крытом ресторанном дворике. Он ориентирован на ночную жизнь, и днём относительно безлюден.

– На этой сцене я разработала все номера Виолы! – грустно сообщает мне Тихая.

– А разве Виола – не Ирина Бочковская? Мне так сказали! – удивляюсь я.

– Ирина – прежде всего, автор «Ладушек», нашего основного хита. Когда мы начинали, эта песня «сделала нас». – Объясняет Маргарита. – Со временем её значение уменьшилось, появились произведения других авторов, не менее удачные. На сегодняшний день песня «Оладушки», уже в моем исполнении, считается лидером проката. Так что нынешняя Виола, скорее моя, а не Ирина заслуга!

– Как проходил концерт в субботу? Пожалуй, расскажите о нём! – прошу я и ненавязчиво заставляю девушку подняться на сцену по приставным ступенькам.

– Ну... ведущий перед выступлением тянул время. Ира в последний момент, когда я уже загримировалась, позвонила к организаторам и сказала, что будет выступать сама. Ровно в полночь мимо меня пролетела Виола, как молния. Ира поднялась из микроавтобуса, а выглядела так, будто вышла из гримёрки: наши фирменные губы, облегчающее платье с разрезами. Да вы, наверное, знаете!

– Да! – соглашаюсь я и задаю уточняющий вопрос – где вы находились?

– Здесь стояла! – показывает она на укромное место за кулисами.

– Вас не могли видеть зрители?

– Нет!

– Прекрасно, это мы выяснили! А теперь изобразите Виолу, её движения на сцене до исчезновения!

Маргарита преображается, делает несколько изящных танцевальных движений, и, войдя в роль, рассказывает:

– Виола исполнила первую песню. У края сцены стоял человек в байкерских наколках, он шумно выражал восхищение.

– Хорошо! – подбадриваю я.

– Ира сказала в микрофон: "Следующая песня посвящена тебе, Серпухов!" – по лицу Тихой пробегает тень.

– Так? – я прерываю возгласом её секундную задумчивость.

– По просьбе Виолы зрители начали кричать: «Оладушки, оладушки!». Ира остановилась здесь, – Тихая замирает на сцене, – и в моей манере стала ритмично хлопать в ладоши. А...

– Что – а? – повторяю я за девушкой.

– А свет погас. И когда включился, Иры на сцене не было. Все подумали, что так выглядит часть представления. Затем раздались недовольные свистки. Я не поняла, куда она делась. Мне что, выходить, петь «Оладушки» самой? А если Ира где-то на виду? Она так все запутала своим внезапным приездом! В контракте прописано, что мы не имеем права разглашать тайну Виолы. Я побежала в гримёрку по коридору, это метров пятнадцать. Думала, что Ира,

возможно, там, а если нет, то мне всё равно следует убрать с лица грим, и переодеться. В зале присутствовали корреспонденты газеты "Ока", мои коллеги. Они давно подозревали меня в работе на эстраде, и мне не хотелось скандального разоблачения. Я сдернула парик, сняла маску, и тут увидела перед зеркалом куклу. Ой, страшная! Из-за неё я и решила, что Ира не просто так пропала, нужно бить в набат. Накинула халат, и побежала через запасной выход к окну, чтобы найти уверенный прием сотовой связи. Издалека видела, как к гримёрке подошли недовольные поклонники. Наш директор распахнул перед ними дверь, и люди удостоверились: Виолы внутри нет.

– Все? – спрашиваю я.

– Да! – расстроенным от воспоминаний голосом подтверждает Маргарита.

– Тогда стоп, снято! – говорю я и нажимаю кнопку на смартфоне.

– Выложите в сеть? – С кокетством спрашивает Тихая.

– Нет, конечно. Материалы следствия не подлежат разглашению.

– Жаль! Я могу идти? У меня очень плотный график...

– Да, но у меня просьба. На вашем телефоне есть приложение для поиска друзей?

– Разумеется. На тусовках, так легко потеряться!

– Отлично! Добавьте меня в контакты. В интересах следствия я хочу знать, где вы находитесь. Мало ли! Вдруг понадобится что-то уточнить.

Девушка выполняет мою просьбу, спускается со сцены, и, томно глянув на меня, уходит. Я долго провожаю ее взглядом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я смотрю, что есть в интернете по концерту. Несколько беспорядочных видеороликов ничего не дают, кроме того факта, что Ирина стояла совсем не там, где показала Тихая. Почему Маргарита меня обманула? При встрече нужно будет задать ей этот вопрос.

А пока следует понять, каким образом исчезла Виола. Вздохнув, я внимательно осматриваюсь. На ум приходят всего три возможных варианта. Первый - Виолу подняли тросом. Но высокий стеклянный потолок здания не имеет специальных приспособлений, и для трюков бесполезен. Закончив его изучать, я думаю о втором варианте: Виола спрыгнула к зрителям с края сцены. Однако, когда я, представив себе этот прыжок, прыгаю сам, то прихожу к выводу, что женщина на каблуках вряд ли такое сделала. Что ж, остается третий вариант: Виола спустилась под сцену через специальный люк. Но это невозможно! Поверхность представляет собой сплошное синтетическое покрытие, без намеков на какое-либо отверстие.

Неожиданно я замечаю, что у края сцены, там, где, как сказала Тихая, стоял шумный байкер, рекламный баннер болтается. Я отгибаю ткань, и через образовавшуюся дырку проникаю в техническое пространство.

Поблуждав в пыльной полутьме, я неожиданно натываюсь на странную конструкцию. Причем мне совершенно непонятно, на что я вижу. Похоже, пора пойти проверенным путем: найти местных, которые все прояснят.

Я подхожу к ближайшему бару и прошу молодого бармена налить мне самого дорогого виски, а на закуску подать бутерброд с черной икрой. Буквально через секунду получаю в рюмке жидкость с запахом коньяка «Лезгинка», и кусочек хлеба с крашеной икрой мойвы. Не моргнув глазом, я все это употребляю и повторяю заказ. Бармен счастливо улыбается.

– Послушай, дружок! – говорю я, приязненно глядя в его довольные глаза. – У меня девушка тут выступала, колечко обронила. Кто подмости обслуживает?

– Да вот же, – бармен показывает мне на стремянку вдали ресторанного дворика, – наши рабочие. Сейчас полезли освещение чинить!

– Отлично! – говорю я. – А знаешь что, дай-ка мне бутылку с собой!

Бармен рассчитывает меня, кладет на стойку табличку «перерыв», и исчезает. Похоже, он сделал на мне вырубку. Я иду к рабочим, смеюсь.

– Ей, земляки! – я стучу бутылкой по высокой стремянке, и вскоре на осветительном мостике возникают две покрытые паутиной физиономии неопределенного возраста.

– На троих сообразим? – предлагаю я.

– А чё, обед? – интересуется первая физиономия.

– Давно уже! – докладывает вторая, скользнув взглядом по моим наручным часам.

– А ты давай к нам, – говорит первая физиономия, – тепереча капитализм, начальство не любит, когда рабочий класс питает организм!

Я поднимаюсь на мостик. Мои новые друзья выгребают из карманов мятые огурцы и горбушку хлеба. Из-за отсутствия стаканов мы пьем из горлышка бутылки.

– Это же наша, обычная гадость! – озвучивает свое мнение о напитке первая физиономия.

– А ведь, за сколько продают! – возмущается вторая.

Я не отстаю от рабочих по объему выпитого, чем заслуживаю их уважение. После обмена пьяными любезностями я невзначай спрашиваю о происшествии с Виолой.

– Чего непонятно? – удивляются они, – пошли, мы тебе покажем! Нам всё равно домой пора!

Ступая за ними, я стараюсь не получить головную боль от звука волочения ножек стремянки по полу.

Рабочие показывают мне, где лежит переносной пульт управления, по команде с которого вращается сцена. Эх, я работал в шоу-бизнесе, почему не догадался об её устройстве? Синтетическое покрытие быстро сменяется на деревянный пол. Там, где стояла Виола на момент пропажи (согласно интернету), есть люк. Что ж, я неплохой сыщик!

– По субботам тут фокусник баб распиливает, они сюда ховаются, – считают нужным сказать мне рабочие, и нажимают кнопку на пульте. Отверстие в сцене открывается, и мы по очереди спрыгиваем на небольшую платформу. Грузовой лифт, внешний вид которого ранее поставил меня в тупик, мягко идет вниз. Я наблюдаю за тем, как быстро по периметру лифтовой шахты появляется солнечный свет, и спустя минуту мы оказываемся на грузовом пандусе большого склада, где закусьваем воздухом после глотка «на посошок».

– А зачем нужен этот лифт? – интересуюсь я.

– Когда Киркоров приезжал, у него было пять тонн оборудования! Как нам на сцену его поднимать? Тележкой? – говорят рабочие нетвердыми голосами. – А быстро надо, у нас не один концерт за вечер!

– Лифт для персонала не опасен? Были несчастные случаи? – спрашиваю я.

– Нет! – категорично утверждают они. – Буржуйский, работает без осечек!

Взбалмошная девица Ирина экстравагантным способом сбежала с поклонником – вот что выяснилось в результате расследования! Я фотографирую лифт и собираюсь послать фото с сопроводительным текстом к Борису Натановичу. Однако вдруг понимаю, что спиртное не прошло даром, и мне лучше повременить с докладом. Заказчик может позвонить с расспросами, а я говорю нетвердо.

Я сажусь на мотоцикл и еду в сторону Москвы, намереваясь слегка проветриться перед сеансом связи.

Но на перекрестке чувствую, что и ехать не могу. Остановившись, я вижу церковную ограду, за ней красивую клумбу. Мысль о том, что не мешает посидеть, понюхать цветочки,

кажется мне привлекательной. Я оставляю мотоцикл возле церковных ворот и с комфортом размещаюсь на скамейке. Расстегнув куртку, впадаю в дрему. Возраст все-таки, не мальчик!

Сладость сна прерывает чья-то рука, трясущая меня за плечо. Я открываю глаза и вижу двух священников: одного моего возраста, мужчину с суровым лицом и длинной бородой, а второго молодого, мягкого и застенчивого.

– Вы, почему тут разлеглись? – спрашивает суровый священник. – Хотите спать, идите домой! Не оскверняете святое место своим похабным видом!

– Извините. Сейчас уеду! – отвечаю я, сонно глядя по сторонам.

– Отец Андрей! Я тороплюсь, а вы проследите! – суровый священник грозит мне пальцем и быстро уходит.

Отец Андрей садится рядом со мной и принимается бубнить что-то о пользе здорового образа жизни. Послушав немного, я достаю из кармана и кладу ему на руки фотографию куклы. Возможно, вместо того, чтобы сверлить мне мозг проповедью, вспомнит что? Кукла явно магическая, не слышал ли он, о подобном, от прихожан? По роду деятельности должен вести борьбу с колдовством!

Священник прерывается и начинает разглядывать фото. Долго молчит, а затем спрашивает:

– Откуда у вас эта фотография, и что вы от меня хотите?

– Я частный детектив, веду расследование в вашем городе. Можете что-нибудь сказать о кукле?

– Да! – отвечает о. Андрей, и у него бледнеют губы.

– Тогда не тяните! – подталкиваю его голосом.

– Случай произошел в прошлом году, летом. У нас закончилась ночная служба, все разошлись, и тут хлынул ливень. Я запер храм и тоже собрался домой, когда увидел, что на этой скамейке сидит женщина, с девочкой лет пятнадцати. Девочка жмет к женщине, зонтик у них маленький, и обе мокнут. Дождь холодный, они дрожат, но выглядят как люди, которые не хотят, чтобы их заметили, и оказали помощь. Однако я все равно подошел к ним и спросил, что они тут делают. Женщина сказала мне, что им страшно, они боятся идти по улице. Попросила разрешения остаться на территории. Я не мог им этого позволить: ворота необходимо было закрыть и поставить на сигнализацию. Я уговорил женщину и девочку перейти в мою машину. Включил печку, стал расспрашивать. Женщина вместо объяснений просила её спасти, только от кого, не говорила. А девочка испуганно смотрела по сторонам. Я предложил отвезти их в здание железнодорожного вокзала. Мне казалось, что там возможно переждать до утра. Они согласились, но с условием, что поедем по центральной улице, где много машин. Но когда мы приехали на вокзал, к моему глубокому сожалению выяснилось, что ночью он не работает, и женщин некуда пристроить. Пока я выяснял у случайных милиционеров, какие возможны варианты, прошло минут десять, а я обещал отсутствовать две. По возвращении

в машине никого не обнаружил. Только на мокром после женщин сидении, лежала похожая кукла. Из-за ее стеклянных глаз, я почувствовал ужас!

– Ну–ну, отец Андрей, не раскисайте так, год прошел! – говорю я, желая успокоить нервничающего священника.

– Да, постараюсь. – Кивнув головой, произносит он.

– И что было дальше? – Мне хочется услышать продолжение рассказа.

– Да ничего. Я не знал, как зовут женщин, откуда они, кого боялись. Куклу показал настоятелю. Он огорчился и сказал, что происшествие, скорее всего, как-то связано с фольклорным фестивалем, который организуют байкеры на городском пляже. Ходили нехорошие слухи. Ну, мы помолились, куклу сожгли, и на этом все. А с чем, вздумай мы, в полицию идти? Там сказали бы, что женщины ушли, забыв детскую игрушку.

– А вы по пути к вокзалу видели что-нибудь необычное?

– Возможно, нас преследовал мотоциклист, я не уверен. Дождь ограничивал видимость.
– С извиняющейся улыбкой ответил о. Андрей.

– И последний вопрос. К какому слою общества могли принадлежать ваши незнакомки?

– Из богемы, пожалуй! – Неуверенно отвечает отец Андрей. – У них были красивые глаза, а в поведении чувствовался шарм...

Уже не слушая священника, я бегу к своему байку, на ходу используя смартфон для выяснения местоположения Маргариты Тихой. Старый дурак я, расслабился на работе! Лишь бы не опоздать!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Редакция газеты "Ока" располагалась в пристройке к торгово–развлекательному центру «Морстон». По пути на работу Маргарита Тихая поздоровалась с охранником в переходе и прошла в комнату корреспондентов.

Все уже разбежались, только стажер Ольга Градская что-то копировала на ксероксе. Тихая села на свое место, включила компьютер, скинула тяжелые туфли с 15–сантиметровым каблуком, прикрыла глаза и расслабилась. Мысли, связанные с последними событиями, носились в голове, как осы в растревоженном улье, беспокойно и хаотично. К ним добавлялась тревога о судьбе Ирины, отдающая в сердце тупой болью.

Тихая постаралась не думать о своей возможной причастности к происшествию, и сосредоточилась на текущем моменте. Ей уже тридцать, другой Виолы у неё не будет, эстрада любит молодых. Концертная деятельность, заработки, богатые поклонники – всё исчезло в морганин электрического света. И с каждым днем надежда, что Ира объявится и жизнь пойдет по-прежнему, таяла. Тихая вздохнула и попыталась думать о другом. У неё осталась работа в газете, где она трудилась под своим именем, а не под вымышленным. Не хватало еще и её потерять: завтра на столе главного редактора должна лежать «зубастая» передовица. О чем написать, чем привлечь читателя? О коммунальных платежах? Бред какой-то, сто раз писано!

– Градская, перестань болтать по телефону! – взорвалась Маргарита. – Сделай мне кофе!

– Нет кофе, девочки за день выпили! – радостно сообщила Ольга и показала язык в надежде, что Тихая не заметит.

– Сходи в магазин, купи! Мне до утра сидеть! – голосом "нажала" на стажерку Маргарита.

Не прерывая разговора по телефону, Ольга нехотя пошла. Тихая почему-то вспомнила детектива, с которым сегодня общалась. Похоже, Крылов совсем разомлел, когда ее увидел. Зачем его прислал Борис? Подозревает в чем-то? А если так, почему Мерседес подарил? Что это, метод кнута и пряника в действии? Надо вернуть подарок, всё равно содержать машину нет возможности. Не спать же с Борисом, как это делала Ира! Противно! Тихую передернуло.

Маргарита опять вздохнула и решила вернуться к работе, в сто первый раз написать про коммунальные платежи. Тема вечная и всегда актуальная. Едва она сочинила первую фразу и занесла руки над клавиатурой, в комнате погас свет.

«Уж больно это знакомо...!» – подумала она и подошла к окну, с целью выяснить, что в городе с электричеством. К её изумлению, свет отсутствовал в пристройке, торговый центр светился, как всегда. Иначе, чем полосой неудач, происходящее назвать нельзя!

Неожиданно в коридоре послышался шум.

– Градская! – вспомнила Маргарита. – Бедная девочка, в полной темноте ищет нашу комнату!

Тихая подошла к двери и широко распахнула её так, чтобы отблески рекламных огней торгового центра дали в коридор оптический ориентир.

– Ольга! Ольга! – позвала она, но в ответ услышала, как гулкое эхо её слов летает по пустому зданию.

Странно, откуда были звуки? Маргарита испугалась того, что она, возможно одна, в темной и безлюдной пристройке.

– Червяков! Червяков! – нервно позвала она охранника по этажу в надежде, что он не спит, как обычно, в кресле на своем посту. Опять эхо, отразившись от стен, вернулось к ней. Тихую охватил страх, почти как в детстве, когда мачеха, за непослушание, заперла её на ночь в сарае.

Маргарита вспомнила, что можно позвонить к знакомому и попросить о помощи. Она нащупала смартфон, который, как деловая женщина, носила не в сумочке, а на мужской манер, на поясе. Однако тут в конце коридора, где по ее представлению, находился Червяков, она увидела огонек фонарика.

"Ремонтники!« – подумала с облегчением Маргарита. – «Скоро свет дадут!»

Она прикрыла дверь и села возле работающего от аккумулятора монитора.

"Наверняка придут спрашивать, как я тут, а у меня губная ..." – вспомнила Тихая, и стала искать сумочку. В этот момент в коридоре раздался душераздирающий крик Ольги:

– Беги, Марго, Беги!

В первую секунду Тихую от ужаса парализовало. Ноги налились свинцом, перестали слушаться, а по вискам поползли капли пота. К счастью, это состояние скоро прошло. Тихая вскочила и замерла в нерешительности. Бежать в темноте до поста охранника, где горел фонарик и откуда донесся крик Ольги, не имело смысла. Вызвать полицию? Пока она приедет, ситуация сложится не в её пользу!

После мучительных колебаний Тихая толкнула дверь и побежала в другую сторону, к пожарной лестнице. Она держала руку вытянутой и чертила пальцем по стене, чтобы иметь в темноте мысленную линию и не сбиться. Табличка возле кабинета главного редактора Молчановой – раз, дверь отдела подписки – два, бухгалтерия – три!

Тихая с разбегу выскочила на лестничную площадку. Здесь оказалось не светлее, чем в коридоре: окна выходили на темный пустырь. Однако Маргарите удалось нащупать перила и направиться вниз, к запасному выходу. Сзади явственно послышался топот одетых в тяжелые ботинки ног, и круглое пятно света забегало по стенам. Тихая поняла, что преследователи идут за ней.

Когда Маргарита, стараясь не замечать боль в босых ногах, спустилась по лестнице до выхода, ей уже буквально дышали в затылок. Немедля, Тихая схватила пожарный багор со стенда, и, налегая на него всем телом, ударила по дверному стеклу. Осколки разлетелись в разные стороны, и растрепанная Маргарита выскочила из пристройки с криком «Помогите, помогите!».

Только помогать было некому. Пустырь, представший взору девушки, не радовал присутствием людей. Лишь несколько бродячих собак подняли дикий лай и направились к Маргарите.

Убегая от них с кровавыми следами из пораненных пальцев, девушка не знала, кто её раньше настигнет: неизвестные преследователи, или взбесившиеся от запаха крови животные. А возможно мотоциклист, звук двигателя которого, внезапно появившись, нарастал с каждым ударом её сердца. Оно стучало от ужаса так, словно вот-вот выпрыгнет из груди.

Напряжение достигла апогея, когда твердая мужская рука коснулась плеча Маргариты.

Мотоциклист поднял девушку в воздух, как пушинку, почти вырвав её из щелкнувших клыков вожака собачьей стаи. Тихой показалось, что всё, её жизнь все равно закончена, и она обернулась, что бы увидеть своего похитителя.

«Это же частный детектив!»— изумилась Маргарита, глядя на каску, украшенную молниями из кристаллов Сваровски.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как я несусь по Серпухову! Мой путь сопровождается визгом тормозов и руганью водителей. Но мне не до них. Я смотрю на экран смартфона, который направляет меня туда, где находится Маргарита.

Основной вход в пристройку оказывается закрытым изнутри. Я вижу, что для этого использовалось офисное кресло, которое грубо повесили на длинные металлические ручки. Так поступить могли только злоумышленники. Я поднимаю тяжелую чугунную урну, намереваясь с ее помощью пробить себе дорогу в фойе. Но тут с обратной стороны здания прилетает звук бьющегося стекла. Мне сразу становится понятно, где сейчас происходят основные события.

Поспешив, я вижу, как из двери запасного выхода выскакивают трое байкеров. Естественно, я опережаю их, а также стаю явно бешенных собак, и первым догоняю на мотоцикле убегающую девушку. Поднимаю ее и усаживаю на широкий бензобак впереди себя. Она не придумывает ничего лучшего, чем спросить:

– Мои 61 кг удержите?

– Да. Мастер спорта международного класса, – говорю я, резко остановившись перед глухим забором торгового центра. Дальше ехать некуда. Тупик!

– 95–68–100 – неизвестно зачем, Маргарита сообщает мне свои параметры.

– Великолепная фигура! – усмехнувшись, говорю я, «с дымком» разворачиваю мотоцикл на месте, и смотрю на байкеров. Они ждут, поигрывая бейсбольными битками: что я буду делать?

Это задача! Если поеду прямо на них, покалечат. Я бы рискнул без девушки, а вот с ней, точно не прорвусь. Остается самый невероятный вариант: совершить крутой вираж с использованием металлических наколенников, вшитых в мои брюки из пижонства. Я разгоняюсь, кладу мотоцикл на землю, и с искрами горящего металла исполняю самый опасный мотоциклетный маневр в своей жизни. Тихая визжит так, что стекла в пристройке дребезжат.

Все заканчивается благополучно. Мы оставляем байкеров за спиной и выезжаем на небольшую улочку. Я выравниваю мотоцикл, и крепче прижимаю девушку к себе. От переживаний она холодна, как лед.

Уже порядком отъехав от места стычки, в сонной тишине городка я слышу рев моторов: байкеры бросились в погоню за нами. Я впервые жалею, что мой мотоцикл имеет громкий, «запатентованный» звук выхлопа, и нас догонят по звуку из глушителя. Умница Тихая все понимает и говорит мне:

– Выключи зажигание, покатаемся под горку!

Я так и делаю. Мы едем, тихо шурша шинами, по еще дореволюционным улочкам из одноэтажных домиков, пока не останавливаемся на песчаном пляже, возле реки. Я достаю из багажного кофра прожженное костром одеяло и оборачиваю им девушку.

– Виски пятидесятилетней выдержки будешь глоток? – спрашиваю я.

По-прежнему не в силах согреться, Тихая стучит зубами и издает звук, похожий на «да». Следуя местной традиции употреблять спиртное из горла бутылки, я предлагаю также пить и Маргарите.

Не знаю, что ей не нравится: способ, или сам напиток, но она, выпив, возмущенно произносит «серпуховская гадость». Впрочем, через минуту девушке становится легче, и она вспоминает о боли. Мне приходится срочно бинтовать ей ноги.

В приятной тишине, которой так не хватает в крупных городах, хорошо слышно, как недалеко поют «Синеву». Полная луна светит ярко, светло как днем. Река тихо плещется, костры рыбаков на берегах представляются романтическими. Легкий ветерок развеивает волосы Тихой, и они красиво играют в лунном свете, как и отражающая луну река. Звезды на небе загадочно мерцают, летящий самолет выглядит межгалактическим кораблем. Чистым теплым воздухом дышится так легко, что кажется, будто мы не на Земле, а в невесомости. Маргарита зачарованно смотрит вокруг, нарушая тишину редкими стонами.

– Давай поцелуемся! – говорю я, глядя на небосвод.

– Зачем? – спрашивает она и звонко смеется.

– Улучшает самочувствие! – уверяю я, наклоняясь к ее лицу.

Девушка, почувствовав кураж, соглашается:

– Ну, давай!

Она молоденькая. Я целую ее нежно, как сказочную фею. Маргарита слабо отвечает мне. Но едва моя рука касается ее спины, она резко обрывает:

– Не надо, будет слишком! – и отстраняется в смущении. Извиниться мне не дает звонок от Семенова, к которому я посылал смс. Поговорив с ним, я сообщаю Тихой:

– За Ольгу не переживай, нашли. Лежала в коридоре без сознания. На голове шишка, в остальном целехонька. И охранник в порядке. А нас, отсюда скоро полиция заберет.

– Хорошо! – отвечает Маргарита, пьет, выбрасывает бутылку, и с грустью сообщает – "Лезгинка" закончилась!

– Ну и прекрасно. Тебе ведь стало значительно легче. Что и требовалось! А раз так, расскажи-ка мне, милая, правду! – прошу я.

– Какую? – преувеличено удивляется она.

– Почему обманула, показывая мне место, откуда пропала Виола? Ты не могла ошибиться! А я все равно узнал про люк и лифт, чего тебе явно не хотелось. Ты понимаешь, что Иру похитили вместо тебя, по ошибке? И если мы расстанемся, ничего не прояснив в твоей жизни, ты будешь под угрозой?

– Хорошо! – наконец соглашается Маргарита, и, вздохнув, приступает к рассказу, – я придумала новый элемент номера. Хотела спрыгнуть в люк на сцене, как это делают девушки фокусника. А затем, спустя минуту, появиться за спиной зрителей, где продолжить пение. Дело в том, возле меня в последнее время крутился байкер, весь покрытый наколками, как в американском сериале "Сыны Анархии". Знаешь? Ну, не принципиально. Он просил дать возможность проявить себя в нашем шоу, пусть и в маленьком эпизоде, помощником. Говорил, что хочет в артисты, выглядел убедительно. Я предложила ему, чтобы он, когда я спрыгну, подал мне черный плащ, помог выбраться из-под сцены, и проводил туда, где концерт продолжится. Под аплодисменты, естественно!..

– Так, так, – я жду, пока она переведет дух.

– Для того чтобы вам окончательно понять случившееся, необходимо объяснить ситуацию в целом. У меня с Ирой назревал конфликт задолго до этого представления. Она уже не выступала, почти все время проводила с Борисом Натановичем. Я ей пригрозила, что заберу у неё Виолу, если она не возьмется за работу. Она в ответ пообещала мне новое шоу, гораздо более масштабное. Только при условии, что Виола останется за ней. В субботу днём она позвонила ко мне. Я решила, что она скажет что-то существенное. Однако Ира закатила скандал по поводу Мерседеса – подарка Бориса Натановича. Да я не собиралась машину оставлять! Думала, покатаюсь с неделю, и верну. Нужен мне её Борис, с его Мерседесом! Лишь бы позлить Ирку, наговорила ей, что нужен. Она сказала, мы теперь враги, и дала отбой. Я подумала, раз враги, значит, война! Тогда при исполнении нового трюка Виола снимет маску и покажет лицо. После опубликования фото в газете я бы официально стала Виолой и получила её популярность. Хороший трамплин для любой солистки! Остальное вы уже знаете. Ирка обошла меня, и сама выскочила на сцену. От обиды я заплакала, раскисла. Чтобы не видеть ее триумф, пошла в гримёрку рыдать. Увидев куклу перед зеркалом, я предположила, что Ира таким способом хочет обидеть меня сильнее. Накинула халат, взяла телефон и побежала на лестницу, звонить Натану. Собиралась высказать всё, что я думаю про него, Ирку, и их дурацкую куклу. Но его телефон был занят. Когда я собралась перезвонить, появились зрители и администратор. Так я узнала, что Виола пропала. Вначале мне казалось, что Ира придумала способ «поставить на место» меня и подтолкнуть Бориса, чтобы тот сделал ей предложение. Но мой добровольный помощник с наколками так и не появился, а я очень рассчитывала, что он всё расскажет. Теперь даже не знаю, что думать. Я в растерянности. Мне не хотелось вам сообщать эти подробности, вот я и показала другое место на сцене! – Тихая начинает подозрительно хлюпать носом.

Я собираюсь успокоить её, однако меня отвлекает звонок Семенова. После разговора с ним я говорю Тихой:

– План меняется, отправишься в больницу одна.

– А вы куда? – пугается она расставания.

– Семенов считает, необходимо посетить фестиваль. Сегодня последний день, завтра ловить будет некого. Разнюхаю, что там происходит. Возможно, найду твоего ассистента. Фестиваль ведь байкеры организовали?

– Да.

– Подозрительное совпадение! Кстати, а где он проходит?

– Да вот же! – Тихая показывает рукой на костры в километре от нас, – Серпуховские масштабы мелки, долго искать ничего не надо!

– Тогда через минуту передам тебя полиции, – говорю я, глянув на часы, – и направлюсь туда.

– Я с вами! – говорит она решительно.

– Зачем?

– А «Сына анархии» никто, кроме меня, вам не опознает! – уверяет Маргарита.

– Байкер в характерных наколках, как его можно пропустить? – по-прежнему не понимаю я.

– А если будут два байкера с наколками, за которым вы побежите? А он переоденется и руки прикроет, тогда что? – ядовито спрашивает Тихая. Поменяв тон, просит, – возьмите меня, пожалуйста, я Ире помочь хочу. Мы раньше были, как сестры!

Полицейская машина останавливается рядом с нами. Я прошу наряд повременить и звоню к Семенову, чтобы посоветоваться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я паркую байк возле железнодорожного моста через Оку. Здесь обзор местности лучше. Патруль, присланный мне в помощь, занимает позицию рядом. Семенов договорился, что полиция будет ожидать мой сигнал. Не желая привлекать внимание раньше, чем нужно, я снимаю куртку с гербом клуба и остаюсь в тельняшке. Маргариту, как она и просила, беру с собой. Только для маскировки плотнее закутываю в одеяло, а на голову одеваю свою старую бейсболку.

– Похоже, я идти не смогу! – жалуется она, пробуя одеть мои пляжные тапочки.

– И не надо! – говорю я, и сажаю девушку на плечи.

Молоденькие полицейские завистливо вздыхают. Как же, знай наших! Настоящий десантник не стареет!

На пешеходной дорожке к пляжу, от света автомобильных фар, поблескивает кварцевый гравий. Искорки навевают фантазию, что мы движемся в метеоритном дожде. Тихая словно невзначай оцупывает мои плечи, и я специально напрягаю мышцы под ее пальцами. Она смеется и спрашивает:

– Вы сердцеед, Крылов?

– Нет, несчастный человек! – отвечаю я. – Три брака позади, а всё равно тоскую без настоящей любви!

– Похоже, ты поэт, Василий! – говорит Тихая, улыбаясь. – А я думала, пень пнем! Не зря я с тобой целовалась!

Теперь уже смеюсь я. Этак, она в меня влюбится!

Серпуховской фольклорный фестиваль оказывается обычным туристическим городком, состоящим матерчатых палаток, внутри которых все, кому не лень, показывают представления. Зрители слоняются туда–сюда, покупают всякую ерунду и бросают мелочь в емкости перед входом.

Мы не остаемся в стороне от подобного развлечения. Вначале настороже, я прихожу к выводу, что опасности нет, расслабляюсь, и покупаю Тихой пирожок с джемом. Им, она умудряется испачкать мне все лицо. Я не сержусь, а Маргарита делает вид, что довольна моим подарком, дешевой бижутерией: кулоном, сережками и колечком.

Запоминается чудак, вызвавший у нас много веселья: он довольно хорошо играет на саксофоне, отчаянно кривляясь под лучами цветных фонариков. Маргарита смеется над ним до икоты. Я даю выжившему из ума музыканту бумажную купюру.

Ближе к утру мы находим возле реки простенький тент, под которым слабенько светится аккумуляторный фонарь. Бросив немного мелочи в жестяную банку так, чтобы она брякнула,

я оживляю фигуру женщины в лохмотьях. Она поворачивается на звук, и вместо приветствия, принятого на фестивале, шипит, как змея. Мне становится не по себе. Хорошее настроение пропадает, и хочется идти дальше. Но из любопытства я все-таки спрашиваю:

– Чем занимаетесь?

– Судьбу, узнай свою судьбу! – воет она и трясёт зажатой в кулаке соломенной погремушкой. Трудно связать ее поделку с известной куклой, однако я решаю посмотреть лучше. Женщина не реагирует на мое приближение, однако едва я касаюсь её пальцев, она опять шипит и поднимает лицо. Мы видим, что веки у неё сшиты нитками. Выглядит это ужасно.

– Кто вы? Что с вами сделали? – с изумлением спрашиваю я женщину.

– Убирайся, убирайся! Получи предсказание и уходи, не беспокой Силу! – вместо ответа она громко кричит и кидает в меня, взяв из грязного пластикового ведра, свернутый в трубочку листок бумаги. Я тут же отбрасываю ее «подарок» в воду, и мы отходим в сторону.

Понятно, что женщина безумна, и не может находиться здесь в одиночестве. Мне следует вызвать наряд полиции и доставить женщину в отделение. Выяснить ее историю, а также, кто за ней присматривает. Я достаю телефон.

– Крылов, почему вы записку не прочитали? – интересуется Маргарита.

– А мне еще в армии капеллан говорил: при любых обстоятельствах веруй в Бога, и выполняй свой солдатский долг. С тех пор, так и живу! К чему мне глупые предсказания? – объясняюсь я.

Служители закона отвечают на мой звонок, и наряд медленно, но уверенно начинает пробираться сквозь толпу в нашу сторону. У меня возникает мысль, что необходимо обострить ситуацию. Возможно, так наш «улов» будет больше. Я направляюсь к сцене, находящейся по центру городка. Усаживаю Маргариту на скамейку в первом ряду зрителей, а сам запрыгиваю на подмостки к ведущему, колоритному байкеру с микрофоном.

– Сейчас буду петь "Синеву"! – говорю я.

– Нет, "Синеву" петь не будешь! Уже исполняли, хватит на сегодня! – говорит он, не желая отдавать микрофон.

– Но я не пел! – настаиваю я, стараясь говорить так, чтобы нас слышали зрители, – хочу посвятить песню члену вашего клуба, другу с татуировками «Сыны Анархии»! Музыкальный привет от ...– я называю клуб, куртку которого ношу.

В этот момент появившаяся на сцене группа из трех клоунов, используя пары бензина, пускают в нас пламя изо рта. Брови ведущего слегка страдают от огня. Он со злостью в голосе делает клоунам замечание и говорит мне:

– В нашем клубе с такими наколками, как ты описал, никого! У нас строго с символикой!

– Исключения бывают, у меня же нет наколок клуба! – настаиваю я.

– А тебе зачем? – возражает ведущий. – Я тебя на турнире видел, да и в интернете твоих роликов хватает. Но не все такие известные, как ты. Своих, я маркирую лично. Ведь людей не помнишь, не ведомости же заводить! Если бы я татуировки «Сынов» на коже у кого заметил, то обязательно сказал тебе. Отвечаю, нет таких здесь, ищи своего друга в другом месте!

– Ладно, – говорю я, – нет, так нет! Давай, братуха!

– Ну, давай, – говорит он, подставляя ладонь под шлепок.

Я спускаюсь со сцены, становлюсь на виду и с напряжением наблюдаю, что происходит возле нас. Если нужные мне байкеры слышали разговор, обязательно захотят свести счеты. Тогда полиция задержит их.

А ведущий, меж тем передает микрофон первому клоуну. Тот выпускает изо рта сноп огня и объявляет:

– Теперь, как обещали, сюрприз! Мы представляем шоу, в котором выступает..., – по его знаку второй клоун, стоящий в глубине сцены, выталкивает на свет женскую фигуру, и снимает с нее черный плащ, – несравненная Виола! Дорогие зрители, слушаем хит «Оладушки», и хлопаем!

Я вижу Ирину в концертном костюме, и на секунду теряюсь. Тут по сцене пробегает отблеск мигалки подъехавшей полицейской машины. Заметив её, клоуны себя странно ведут, а Ирина озирается, словно не может понять, где она. «Оладушки», «Оладушки»! – вопят пьяные зрители. У певицы на щеках появляются слезы. Тихая вскакивает с места, взмывает в воздух балетным прыжком и опускается на сцену возле Бочковской. Крепко обнимает ее, прижимает к себе, и шепчет на ухо что-то успокаивающее.

Я прихожу в себя и тоже бросаюсь на сцену, к девушкам. Полицейские включают сирену. Ведущий шоу и зрители в недоумении вращают головами, пытаюсь понять, что происходит. Тогда, как уж у нас повелось, гаснет свет, от чего я крепко выражаюсь. А неизвестные хулиганы поджигают салюты, которые лежат под сценой в ожидании закрытия фестиваля. Со страшным грохотом и улетающими в небо ракетами вспыхивает пожар. Возникает паника и сопутствующая ей давка. Я беру девушек под руки и бегу с ними в сторону, по пути отбиваясь ногами от клоунов, а возможно обычных паникеров, пока мы не спасаемся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Спустя три недели я сижу с Семеновым в комнате отдыха, что при его кабинете в ФСБ. Между нами письменный стол, полностью заваленный выигранными на турнире призами: спортивным питанием и соками с повышенным содержанием витаминов. Мы их неторопливо дегустируем и смотрим по телевизору видеозапись прошедшего соревнования.

Иногда для разнообразия кто-то из нас кидает дротики в мишень на стене.

На улице жарко, окно открыто. На наши обнаженные торсы посылает струю воздуха большой вентилятор. Он помогает мало, я потею как лошадь в галопе, но отношения с другом дороже, приходится терпеть. Семенов не любит кондиционеры, он от них болеет.

Несмотря на выходной, управление ФСБ работает, как в будний день. Слышны голоса, шаги за стенкой. Иногда к Семенову звонят. Глянув кто, он сбрасывает.

– Посмотри, – говорит Гаврила Петрович, останавливая с пульта видеозапись, – спортивный помощник мне на гриф нестандартный блин вешает! Из-за него, разновес и получился. Поэтому, в третьей попытке, я не выжал вес!

– Ты у меня снова выиграл, чего тебе еще надо? – недоумеваю я.

– Так ведь мог кубок взять! – с апломбом произносит Семенов, – мой тренировочный вес гораздо больше, сам знаешь!

Я не нахожу, что ему сказать. Бросаю дротик, попадаю не туда, куда хотел, и вздыхаю. Отпиваю глоток сока и внимательно рассматриваю стоп-кадр. Гаврила Петрович бросает дротик, попадает точно, довольно хмыкает и тянется к большой бутылке виски. Я жестом показываю, чтобы и мне налил.

– А знаешь что, – говорю я Семенову, – диск у тебя, самый обычный. По-моему, тебе замок на штангу неверно поставили. Вот ты, разновес и почувствовал! Жаль, на записи не видно другого замка, точно сказал бы!

– Вот зараза! – говорит Гаврила Петрович, глядя в телевизор, – не может быть!

Он перематывает запись немного назад, желая повторно посмотреть.

В комнату входит молодая сотрудница из его группы, низкая полная девушка в роговых очках. Никак не отреагировав на наш вольный вид, она официальным голосом спрашивает у Гаврилы Петровича о рабочих моментах. Услышав ответы, делает пометки в блокноте и уходит, оставив нам тонкую коричневую папку без названия.

– Где ты их набираешь, таких безликих? – спрашиваю я у Семенова, зевая.

– А что нам, моделей набирать? – ворчит Гаврила Петрович, – у нас слезка в приоритете. Красивые, в толпе заметны!

– Да ладно, это я так...– говорю я примирительно, и интересуюсь, – как там Бочковская? Ты с Натановичем связь поддерживаешь?

– В плане физического здоровья, нормально, – отвечает Гаврила Петрович, – но не помнит, что с ней случилось. Утверждает, что провалы в памяти. Но я думаю, намеренно не вспоминает о происшедшем. Борис держит её дома, под наблюдением психиатра. Похоже, к работе она не вернется, психологический надлом!

– Жаль девушку! – говорю я.

– Да! – соглашается Семенов, – однако из-за ее беспамятства я никак не пойму, почему преступники, фактически, вернули нам Иру? Неужели её похитили только для того, что бы она выступила на этом, их дурацком... как его там?

– Фольклорном фестивале, – подсказываю я. – Нет, конечно. У меня по ходу дела было много версий. В какой-то момент я считал, что обеих певиц хотят похитить. Затем я понял, что Иру перепутали с Маргаритой. А поскольку преступники истинное лицо Виолы никогда не видели, им потребовалось время, чтобы разобраться. Логика похитителей нам до сих пор неизвестна. Если бы мы поняли, зачем они нуждались в Тихой, тогда и уловили суть событий. А теперь лишь догадки строим. Преступники сумели представить ситуацию так, будто Ира загуляла и болталась неделю по пляжам Оки. В результате все довольны: полицейские закрыли дело о пропаже сумасбродной звезды, страховщик получил любовницу обратно. Тишь да гладь, а злоумышленники на свободе, и их никто не ищет!

– Да, верно! – соглашается Гаврила Петрович. – А как Тихая?

– Переписываемся, редко отвечает. Я порекомендовал ей пока не появляться в Серпухове. Она снимает квартиру в Москве, работает на удаленном доступе.

– Хороший совет! – одобряет Семенов. Он делает глоток виски, и передает мне коричневую папку. – Ознакомься, очень интересно!

В папке я вижу два рисунка, а также фотографии женщины и девочки лет пятнадцати.

– А что я должен из этого понять? – интересуюсь я.

– Вот зараза, ты был прав!– говорит Семенов про действия помощника на турнире, вторично останавливает запись, и возвращается к основной теме. – Рисунки составлены со слов священника, о. Андрея. А на фото, реально исчезнувшие люди. Как ты думаешь, лица на рисунках и фотографиях похожи?

– Допустим! И что?

– Безумная с погремушкой не вспоминается? В суматохе она исчезла, и кроме вас, её никто не видел! Нет у нее общего, с женщиной на фото?

– Если сделать поправку на освещение, условия...– задумываюсь я.

– Ну постарайся, ты наблюдательный! Не то, что я! – говорит Семенов, напрягшись.

– Возможно, та нищенка похожа на женщину с фотографии. А может, и нет. Знаешь, в памяти лишь её зашитые веки мелькают!

– Жаль, – говорит Семенов, тарабанив пальцами по столу.

– А почему? – недоумеваю я.

– Да занялся бы ее поисками в Серпухове, вот что тебе хочу предложить! – говорит Семенов, обжигая меня взглядом.

– Зачем искать помешанную? – спрашиваю я с ленцой. – Гаврила, мне на жизнь зарабатывать надо, ты в курсе? На спортивном питании долго не протянешь!

– Ой, не надо, вот этого! – говорит Семенов со смешком, и ехидно спрашивает, – кто уверял, что работа на страховщиков – это бесполезная трата нервов? А теперь купил путёвку на Мистер–Олимпия в Австралию? И зачем тебе туда, ты даже отборочные не пройдешь!

– Нет, нормально! – возражаю я, – в прессе пишут, Янг, Кертис, Пиг, будут участвовать! Потренируюсь с ними в одном зале, на них посмотрю, себя покажу. А когда выгонят, на сумчатых с объективом пойду. Давно мечтал на пленку запечатлеть! Красота!

– Ха–ха! – нарочито смеется Семенов. – Хорошо рассказываешь, я бы и сам поехал. Однако, ты не прав. Я подозреваю, что нищенка – это исчезнувшая жена известного миллионера. Награда, если найдем её, или пропавшую с ней дочь, три миллиона долларов. Вот и соображай, Австралия!

– Да ладно! Что, правда, столько денег? – искренне удивляюсь я.

Вздыхнув, Семенов закатывает глаза к потолку, показывая этим, что мне следует больше доверять ему, и говорит:

– Проблема в том, что женщин последний раз видели в Москве, и мы ищем их тут. Отправлять людей в Серпухов на основании моих предположений? Звучит глупо. А я, всё равно посылал. Они и с о. Андреем много времени провели, и местных полицейских трясли. Ничего! Пришлось оставить затею. Теперь надежда на тебя. Возможно, у нас не получилось, ты след возьмишь? Я в тебя верю, ты умеешь! Вдруг заработаем?

– Да сложно очень, – говорю я без энтузиазма, – наверняка уже нет той безумной в Серпухове. Шансов мало.

– Да, вероятность низкая! – соглашается Семенов, – но куш какой, представь! Получится, выйдем на пенсию! Или ты собираешься до смерти неверных супругов выслеживать?

– Умеешь ты задеть чувства... мне надо подумать! – говорю я неопределенно и кладу коричневую папку в свою спортивную сумку. Семенов довольно улыбается и наливает мне еще виски.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Разговор с Гаврилой Петровичем не дает мне покоя, и вскоре я возвращаюсь в Серпухов. Для маскировки покупаю у местного жителя потрепанную Ниву и катаюсь по окрестностям с утра до позднего вечера. Там у реки, где вижу палатки, останавливаюсь, и нахожу повод для знакомства с отдыхающими. Вопросы всегда задаю, как под копирку: а не видели ли вы нищенку с зашитыми веками? А характерные поделки из соломы? А байкера с наколками из сериала «Сыны Анархии?». И всегда получаю ответ – нет!

Я перестал стричься, отпустил бороду, загорел до черноты и пропах костром. Настолько превратился в провинциала, что в Москве меня уже никто не принимал за своего.

Заказал в гараже местных байкеров обновление байка, настолько дорогое, что они на радостях накрыли поляну и выставили любимый напиток серпуховичей – виски «Лезгинка». Я пил с ними в надежде узнать хоть что-нибудь, но так и не узнал.

Через несколько дней регулярного употребления «Лезгинки» нос стал сизым, а щеки бурыми. Я принялся просить милостыню возле храмов, пытаюсь в толпе нищих завязать знакомства и добыть информацию. Сидя на паперти под дождем, я кутался в одеяло, которое заворачивалась на пляже Маргарита, и думал о ней.

Мечтал заработать и предстать перед девушкой в более выгодном свете. Желание пронести Маргариту еще раз на своих плечах было настолько сильным, что я старался не замечать очевидную бесперспективность своих усилий.

Я сделался постоянным прихожанином у отца Андрея. Когда мне удавалось почистить одежду и помыться, я исповедовался и причащался. Впрочем, я не до конца был откровенен со священником. Умалчивал о том, что едва вижу его, думаю, не вспомнит ли он о новой детали, которая поможет в расследовании.

Имел место случай, который мне помог приблизиться к пониманию, что происходило в городе в дни похищения Виолы, и почему все может повториться. В храме украли икону святого Николая. Небольшую, размером с лист писчей бумаги. Немного серебра, но в основном медь. Уголовное дело по пропаже вряд ли бы завели, она не представляла ценности. Лежала на виду, на аналое перед алтарем. Каждый желающий мог приложиться. Однако настоятель дорожил ей, и попросил меня разыскать икону.

– Подарили храму очень хорошие люди! – сожалел о пропаже, сказал он.

Я откликнулся на его просьбу, и обошел в городе все антикварные лавки. В одной из них икона нашлась, кроме того, обнаружилась и квитанция с паспортными данными сдавшего её человека. Им оказалась вдова местного цыганского барона, женщина обеспеченная, и, как я думал, верующая, поскольку сам стоял за ней в очереди на исповедь. Наряд полиции по звонку от Семенова доставил женщину в отделение для профилактической беседы. Участковый разрешил мне побеседовать с ней. Я показал рисунок соломенной погрешки и нищенки, а также фото куклы из гримёрки Виолы. Цыганка долго рассматривала, а потом заявила:

– Нет, цыгане не знают, что это!

– Не ваше верование?

– Нет, новое! Мода... Сами придумывают. Так! – она показала пальцем на журнал в боковом кармане сотрудника полиции, на обложке которого была изображена реклама эпопеи «Звездные войны». Я мало понял из её слов, однако у меня сложилось впечатление, что большего от нее не добиться.

Я задал второй интересующий меня вопрос:

– Объясни, почему ты украла икону св. Николая? Ты же в Бога веруешь!

– Верую в Бога, – согласно кивнула она головой. – Николая больше всех люблю, вот и украла!

– Как возможно любить и красть одновременно? – удивился я.

– А христиане мощи его украли! – засмеялась она. – Почему?

– Украли, чтобы он был с нами, а не с иноверцами, – озадаченный, сказал я.

– Я хуже вас? – опять засмеялась она.

– А продала тогда зачем? – я попытался вопросом вывести ее на тропу логики.

– Наш закон, теперь мы вместе! – довольно улыбаясь, сказала она.

Я понял, что она имела в виду, на следующий день. По просьбе священника я распечатал фото воровки, взял с видеозаписи в лавке. Настоятель поместил изображение цыганки на самом видном месте, рядом с вновь обретенной иконой, снабдив мелким пояснительным текстом о злодействе. Подслеповатые старушки, не разбирая букв, после целования иконы св. Николая останавливались в недоумении, думая, зачем это фото здесь, и как к нему относиться. Удивительным способом цыганка добилась, чего хотела: она действительно оказалась в ряду со св. Николаем. Только он со стороны Света, а она со стороны тьмы. Но подробности для цыганки были не важны.

Позже, прогуливаясь по городку и размышляя о поведении вдовы барона, я сообразил, что она хотела мне сказать. Каждое поколение язычников использует культурные символы своего века. Язычники считают, что неважно, как выглядит обряд, главное – смысл службы их «богу» должен оставаться прежним. Вероятно, кто-то создает в Серпухове очередную темную «религию» и экспериментирует с куклами, похищением девушек, зашиванием век.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Маргарита Тихая вошла в мир искусства, как говорят, с пеленок. Отец, артист Серпуховского драматического театра, брал девочку на репетиции и спектакли, спасая от мачехи. Та не любила падчерицу, часто была ее.

Впервые Маргарита вышла на сцену в составе детского музыкального коллектива. Спела несколько фраз, изображая зайчика. Отцу напророчили большое будущее девочки.

Уже тогда Тихая мечтала не только о карьере артистки, но и создании литературных произведений, к тому же отец почти каждый день заставлял ее вести дневник.

– Дворяне в обязательном порядке записывали свои мысли, – Говаривал он. – Наш старый род больше не состоит в этом сословии, но уметь писать нам все равно нужно!

И Тихая старалась, писала, шепотом подсказывая себе слова. Литературные способности ейгодились, едва она задумала воплотить в жизнь мечту отца – написать пьесу об истории 650-летнего Серпухова.

– Безобразия! – любил повторять отец, большой любитель родного города. – Ставим спектакли про Нью-Йорк, Париж, Рим, где никогда не были, а про Серпухов, песню со сцены не спели!

Поэтому, несмотря на советы сыщика, Тихая все-таки приехала в город на генеральную репетицию спектакля о Серпухове, где она играла роль самой себя: автора.

Войдя в фойе театра, Маргарита улыбнулась черно-белой фотографии отца на доске заслуженных артистов, и собралась пройти дальше, однако увидела, что за её отсутствие кое-что изменилось. На входе появилась рамка металлоискателя, а артисты и персонал стали пользоваться специальным пропуском с электронным чипом.

– Губернаторские конференции скоро будут проходить, – объяснил нововведения охранник, которого ранее не было.

– И что мне делать? – поинтересовалась Маргарита, – я в спектакле играю, как мне пройти?

– Посидите на скамейке для гостей, что возле кассы, – ответил охранник, – директор театра закажет вам пропуск. Их изготавливают в администрации Серпухова, обычно без задержки. Ради вас сами подвезут, и вы пройдете!

Тихая возмутилась, выговорила подошедшему директору все, что она думает о его нераспорности, и уселась на скамейку так, чтобы ее длинные ноги бросались всем в глаза. Маргарита любила, чтобы её замечали. После того как проект Виола сошел на нет, ей ужасно не хватало внимания поклонников.

Она уже долго скучала, когда смартфон дрогнул, сообщая, что на электронную почту пришло письмо. Маргарита посмотрела, от кого. Опять Крылов! Маргарита даже не знала, как относится к его письмам, которые он присылал постоянно. С одной стороны, ей льстила мужская заинтересованность, с другой, Крылов никак не подходил под категорию мужа или любовника. Маргарита отвечала ему односложно в надежде, что сыщик остынет и забудет о ней.

Мимо Тихой на репетицию, здороваясь и говоря комплименты, прошла уже вся труппа, а пропуском даже не пахло. Маргарита собралась вновь звать директора, однако увидела, что перед театром паркуются автомобили администрации, и среди них машина мэра. Тихая подумала, что вышла накладка на городское мероприятие, репетицию отменят. Она ошиблась: оказалось, что ее желают увидеть в роли. Секретарша мэра торжественно вручила ей пропуск, а сам глава города Павлов – цветы и поцеловал руку. Тихая покраснелась, можно сказать зарделась, и в самом прекрасном настроении отправилась сразу к микрофону, не желая, чтобы именитые гости мучились ожиданием. Благо, как автор, в гриме она не нуждалась.

По количеству зрителей, качеству игры актеров, бурным аплодисментам, генеральная репетиция прошла, как пред премьерный показ. Тихая не ожидала такого успеха пьесы, долго благодарила режиссера и всех, кто принимал участие в подготовке спектакля.

Следуя традиции Серпуховского театра, после того как зрители разошлись, труппа предложила ей отметить почин в буфете. Тихая попросила начинать без нее, и пошла по пустому зданию туда, где располагались маленькие комнатки – гримерные. В театре имелось много мест, дорогих её сердцу. Но к одному из них ее особенно тянуло: гримёрке отца. Туда, где она сидела на маленьком стульчике и смотрела, как отец накладывает грим и входит в роль.

Маргарита с бьющимся от воспоминаний сердцем уселась на знакомое кресло и нажала клавишу бестеневого света вокруг зеркала актера. Её ожидал сюрприз: зеркало заменили, свет сделали светодиодным, не таким, как во времена отца, на электрических лампочках. Отражение выглядело идеальным, гораздо лучше, чем раньше, только прежнее зеркало помнило родителя и маленькую Маргариту, а это... девушка расстроилась.

Тихая вздохнула и стала себя разглядывать. Она стареет, ничего не поделаешь! Переживания предыдущих недель, сегодняшняя репетиция, и вот – тени под глазами, видны морщины на висках.

Гримёрку занимала актриса в возрасте, и Тихая посмотрела, нет ли у неё, чем поправить макияж.

Вдруг светодиоды моргнули. Свет в комнатке сменился с белого на ядовито-зеленый. Маргарита машинально подняла взгляд от баночки тонального крема и увидела то, от чего её сразу пробил холодный пот. На зеркале горела красная, будто кровавая, надпись:

Я – Сила! Маргарита, ты раба моя,

и не сбежишь ты никуда,

или возьмет тебя земля,

и ты уснешь в ней навсегда!

Маргарита вскочила, опрокинув всё, что было под рукой. И услышала те же стихи, читаемые леденящим душу голосом из динамика, который использовался для объявления выхода артистов. Завизжав, Тихая переместилась в темный коридор, где, сопровождаемая голосом, побежала к выходу, желая вырваться на свободу. Однако в коридоре ужасное представление продолжилось: свет потолочных светильников стал вспыхивать, заставляя глаза слезиться.

Тихая добежала до конца коридора и трясущимися руками приложила пропуск к электронному замку. Но язычок не шелкнул, дверь не открылась. Маргарита попробовала еще раз, безрезультатно. Тогда она начала прикладывать пропуск ко всем имеющимся дверям, в надежде спастись от безумного голоса и преследующего её света. Кроме гримёрки, откуда она выскочила, и куда она ни в коем случае не хотела вернуться, у неё осталась последняя надежда – дверь в туалет.

К её радости, та поддалась. Маргарита впрыгнула в санузел, захлопнула за собой дверь, прислонилась к ней спиной, и, чувствуя слабость в ногах, сползла на корточки. В туалете стояла такая тишина, что слух улавливал журчание воды в бачке. От тишины Маргарита почувствовала облегчение. Только ей не суждено было долго радоваться: неожиданно пространство наполнилось зеленым свечением.

У Маргариты сердце сжалось: она увидела, что стены исписаны кровавыми стихами. Тихая издала тяжкий стон, бросилась к окну, распахнула его, и прыгнула в темноту ночи со второго этажа, на крышу гаража театра.

На крыше её кто-то грубо схватил, и через секунду она потеряла сознание от хлороформа.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наступила осень. Мне было грустно, одиноко, отчаянно жаль себя и времени, потраченного на розыск нищенки. От тоски я сочинял стихи и слал Маргарите в надежде, что она их оценит. Но Тихая отключила телефон, или из-за меня сменила номер. Если так, то очень печально!

Метеорологи обещали скорые заморозки, берега Оки опустели и покрылись желтой листвой. Я решил, что бабье лето будет той календарной отметкой, после которой я прекращу поиски, как бы Семенов ни уговаривал.

Навигатор сообщил, что Симферопольское шоссе стоит в пробке, и на своей «Ниве» отправился в Серпухов по Калужскому шоссе, через Обнинск. День выдался пасмурным, накрапывал дождь. При съезде с федеральной трассы на дорогу районного значения я увидел голосующую девушку в подмокшей одежде. Она горбилась под тяжестью рюкзака на спине. Я остановился и спросил:

– Куда путь держите?

– Молодежная духовно–просветительская конференция, возле... – девушка назвала населенный пункт.

Мне было по пути, и я взял её. В машине девушка, без всякого стеснения, переделась в сухую футболку с вырезом на груди, и принялась трещать без умолку. Я сделал вид, что мне безразличны ее прелести, и поинтересовался о мероприятии.

– Летом мы традиционно собираемся на берегу реки Протва. В царстве природы у нас есть благоустроенная зона, а также сборные домики и навесы. Приезжают автобусы с адвентистами, православными, буддистами. Мы устраиваем дискуссии между конфессиями, общаемся, играем в волейбол, печем картошку, грибы! Не хотите заглянуть к нам, прямо сейчас? – спросила она.

– А нищие у вас бывают? Кустарные поделки из соломы продают? Если да, то ... – в раздумье произнес я.

– Нет, нет! – перебила она. – Бомжи к нам не ходят, у нас строго, хорошая охрана. И продавать ничего нельзя. Мы бесплатно раздаем, книги!

Девушка открыла рюкзак и достала брошюру «Бог – твой спаситель». Я начал отказываться, но она настаивала. Мне было неохота спорить, я согласился принять в подарок.

В довольно мрачной деревне из добротных домов, тихой и безлюдной, девушка попросила остановиться. Я несколько удивился, поскольку навигатор показывал, что нужно проехать дальше.

– Отсюда мне короче, – объяснила она, – здесь хорошая тропинка к реке.

– Как вы тут не боитесь ходить? Кто-нибудь, к вам пристанет! Вы молодая, что будете делать? Я вас ближе подвезу!

– Нет–нет, – отказывается она, – у меня жених ревнивый, не стоит. Но надумаете к нам, не стесняйтесь. Он скоро уедет, мне скучно будет! Спросите Марину, это я! Вас как зовут?

– Василий, – слегка замявшись, отвечаю я.

– А по отчеству? – смеется она.

– Михайлович!

– Очень приятно, Василий Михайлович! Так я буду ждать! – девушка выходит из машины, игриво помахав мне рукой.

По приезде в Серпухов я осознаю, что мне нечего делать в городе. Бесцельно хожу по знакомым улицам, ставлю свечку в храме, забегаю в редакцию газеты и в Морстон, узнать, не появлялась ли Маргарита. В редакции газеты не знают, где она и что с ней, или не хотят разговаривать со мной по её просьбе. А в Морстоне уже забыли, что она у них когда-то выступала.

Желая разогнать тоску, я надумываю совершить водную прогулку по Оке. Однако на лодочной станции мне говорят, что катера сегодня заняты до ночи.

– Петя, уважь постоянного клиента! Придумай, как быть! – прошу я работника, молодого шустрого парня. Я всегда даю ему щедрые чаевые, ему неудобно мне отказывать.

– Свободна только моя личная лодка, но она без регистрационных номеров. ГИМС на Оке поймает, конфискует. Могу ради вас на Протву сходить, там инспектора не работают. – Неожиданно предлагает он.

– А на Протве, разве хорошо? – Неуверенно интересуюсь я.

– Там здорово! Обычно туда не сунешься, но этим летом уровень воды высок. Вам стоит побывать! – горячо уверяет парень.

Протву я еще не исследовал. Река течет в Калужской области, в тех местах, где я высадил Марину. На мой взгляд, местность для поисков нищенки бесперспективна. Однако, прежде чем поставить последнюю точку, не стоит ли осмотреться и там? Вряд ли кого найду, но хотя бы развеюсь!

– Заводи мотор своей лодки! – соглашаюсь я.

Берега Протвы не похожи на пологие пляжи Оки: они обрывисты и глинисты. Вода, впрочем, прозрачна. Кажется, что её можно пить без фильтрации, как из родника. Сказывается отсутствие туристов и судоходства. Прогулка мне нравится, только однообразие пейзажа скоро надоедает. Утренний дождь возвращается и надувает красивые пузыри в заводях. Я накидываю капюшон куртки и думаю, что пора возвращаться, когда вижу на берегу лагерь, описанный Мариной. Мне кажется разумным выяснить, благополучно ли она дошла по тропинке. Заодно и отведать печеной картошки. Очень захотелось её попробовать из-за стелющегося над водной гладью дымка походной печки.

Лодка пристает к небольшой деревянной пристани, я осматриваюсь. Искусственный песчаный пляж, за ним поле, облагороженное мелким гравием. Справа, на стоянке, стоят несколько автобусов с московскими номерами. А слева, под навесами, много молодежи, слышна гитара, парочка лекторов ведет занятия с группами, развесив картонные плакаты. Я нерешительно подхожу к ним. Меня сразу снабжают кучей буклетов и одаривают горячими объятиями. О Марине я узнаю, что она недавно была здесь и куда-то отлучилась. Пока её нет, предлагают выслушать проповедь минут на пятнадцать.

Я отказываюсь, отхожу в сторону, и наблюдаю за тем, как на пляже несколько человек, закончив разжигать угольные брикеты, лопатами разравнивают их в огненный круг. Лодочник Петя приносит мне на пластиковой тарелке печеной картошки, которую я так хотел. В этот момент один из преподавателей засучивает брючины, снимает ботинки, и, возреввши на небо, идет босиком по углям. Я от удивления глотаю картошку не в то горло, и с трудом откашливаюсь.

За преподавателем идут коллеги, затем настает очередь молодежи. Юность колеблется: некоторые студенты отделяются от сверстников, бегут к угловому навесу, и, проведя под ним несколько минут, возвращаются.

Кстати, объявляется и Марина. Заметив меня, она машет рукой, приглашая прогуляться с ней по углям. «Нет, спасибо! Сначала пусть меня тоже воодушевят!» – думаю я, и, поприветствовав Марину ответным взмахом руки, иду к угловому навесу.

Под ним я нахожу сидящую за столом красивую девушку в строгом темном костюме, белой блузке, и черных, несмотря на вечер, очках. Я не понимаю, какую функцию она выполняет. У нее спрашивают о чем-то тихо, она негромко отвечает. Дождавшись своей очереди, я подхожу, и бросаю в банку для сбора денег крупную купюру.

Девушка спрашивает сама:

– Предсказание, или узнать судьбу?

– Как считаешь нужным! – отвечаю я ей.

И тут происходит то, чего я никак не ожидал: девушка, как это делала разыскиваемая мною нищенка, ставит на колени ведро с предсказаниями, зачерпывает со дна, и держит на весу горсть свернутых в трубочку бумажек. Они падают с ее ладони обратно в ведро, как песок в часах. Я чувствую, что мною овладевает гипнотическое состояние, и сопротивляюсь ему изо всех сил.

Ладонь девушки становится пустой: колдовской рупор в моем случае безмолвствует. Я осторожно снимаю очки с девушки. Она не сопротивляется, и изумленно смотрит на меня расширенными от сильного транса зрачками. Они синие.

– Как тебя зовут, милая? – спрашиваю я девушку.

– Я – пророчица Силы, и Сила я, и Сила есть во мне! – говорит она монотонно.

Я отхожу в сторону и звоню Гавриле Петровичу.

– Нашел дочку, – говорю я ему, – приезжай немедленно!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Маргарита пришла в себя на заднем сидении автомобиля, когда байкер с наколками «Сыны Анархии» открыл дверцу. Тихая попробовала сопротивляться, но он легко вытащил её из машины и повел в частный дом, окруженный высоким забором.

Оказавшись в просторной комнате, Тихая растерянно огляделась. Она увидела, что кроме неё и совсем молоденькой девушки с яркими синими глазами, в помещении никого нет. Подруга по несчастью? Маргарита попробовала завязать разговор. Но девушка, вместо ответа на вопрос, подошла и приказала сесть на стул. Он был привинчен к полу рядом с низкой металлической клеткой, по размеру, собачьей. Глядя на нее с ужасом, Тихая отказалась подчиниться. Тогда девушка попыталась применить силу. Вспыхнула потасовка, которая закончилась тем, что более слабая противница Маргариты исподтишка применила электрошок.

После того, как Тихая пришла в себя, девушка повторила приказание. Теперь Маргарита выполнила его. Девушка ножницами срезала верхнюю одежду с Маргариты, опасной бритвой провела по горлу Тихой в знак угрозы, и принялась брить волосы на голове. Беззвучно рыдая и подрагивая всем телом, Маргарита смотрела, как её прекрасные кудри осыпаются на пол.

Обрив Маргариту, девушка облила ее ледяной водой из оцинкованного ведра, и стала подталкивать к клетке, в случае сопротивления угрожая повторно применить силу. Маргарита подчинилась, и оказалась стоящей на четвереньках в очень маленьком пространстве, куда незнакомка умудрилось запихнуть еще и пустое ведро.

Девушка закрыла клетку на замок, поднесла к решетке очень приятно пахнущие котлеты в миске, и, маня, но, не отдавая еду Тихой, спросила:

– Я – пророчица Силы, и Сила я, и Сила есть во мне, а ты кто?

Маргарита хотела не есть, а пить, и она облизала пересохшие губы. Девушка это заметила, показала пластиковую бутылку с водой и повторила вопрос, но уже четверостишем:

– Я – пророчица. Сила есть во мне, а ты кто?

Скажи, будешь ты служить, как я?

Или останешься никем, познаешь зло?

И не возьмет тебя пророчица в друзья?

– Я не знаю, – сказала неопределенно Маргарита, надеясь получить воду. Девушка осталась недовольна ответом. Она поставила бутылку и миску на пол так, чтобы Тихая не могла дотянуться, и ушла к стене, на которой были развешены странные поделки из веточек, соломы, и цветных тряпичных лоскутков. Села на диван, и на журнальном столике принялась что-то мастерить, отрешенно напевая загадочные куплеты.

Так Маргарита начала жить в странном мире.

Байкер исполнял роль тюремщика и прислуги одновременно. Он постоянно просил у девушки пророчество по любому поводу, даже мелкому. Например, какой топор взять, чтобы рубить дрова, или чем смазать скрипящие петли на дверях. Девушка отвечала ему непонятно, рифмуя слова в похожие на стихи фразы. Байкер морщил лоб, покрывался потом от умственного напряжения, потом делал вид, что ему все ясно, и уходил исполнять.

Девушка периодически вспоминала о Маргарите, подходила к ней, и с прежним четверостишьем предлагала воду. Тихая давно сообразила, что от нее требуют изъясняться в таком же стиле. Маргарита знала, что сознание человека можно изменить за три дня. Она понимала, что скоро примет условия игры и подчинится, однако хотела подольше сохранить человеческое достоинство, и поэтому молчала.

Окна в комнате отсутствовали, Тихая не знала хода времени. Ей казалось, что прошла вечность с момента её похищения, когда в комнате появилось еще действующее лицо: одетый в черное, крупный мужчина с женским чулком на голове.

Сопровождаемый лебезящим байкером, он двигался важно, по-хозяйски: обошел клетку и осмотрел Маргариту со всех сторон. Видимо, ему всё понравилось. Выражая удовольствие, он похлопал байкера по плечу.

После чего, наслаждаясь своей властью, мужчина ногой пнул бутылку с водой так, чтобы та попала в руки Тихой. Не в силах более терпеть, и понимая всю степень своего унижения, Маргарита тем не менее пила воду, дорожа каждой каплей и громко глотая. Гость одобрительно похлопал по клетке рукой. Он дождался, когда «синеглазка» переоденется в строгий женский костюм, и вся троица надолго исчезла, оставив Маргариту в одиночестве.

По возвращении мужчина взял с журнального столика толстую кожаную тетрадь, куда пророчица Силы периодически что-то записывала, и ушел. Под впечатлением от визита девушка, которая выглядела сильно уставшей, свернулась на диване калачиком и стала скулить, как побитый щенок. В комнату вошел байкер. Он попробовал ее успокоить, и даже с определенными намерениями, приласкать. Но девушка оттолкнула его, и он направился к Маргарите. Тихая поняла, что нужно что-то срочно предпринять, чтобы отвадить от себя байкера. Она не придумала ничего лучшего, кроме как оскалиться и зашипеть, словно дикое животное.

Байкер плюнул в Маргариту и ушел, выключив свет. Наступила тишина. Несмотря на все переживания, сначала задремала Маргарита, а потом девушка, которая во сне печальным голосом звала маму. Маргарита вздрагивала, но ничем не могла помочь ни ей, ни себе.

Вдруг в комнату вбежал байкер с фонариком в руках. Маргарита проснулась и с удивлением увидела, что байкер спрятался в углу за дверь, держа наизготовку охотничий арбалет. Она не знала, что это могло означать, и с напряжением наблюдала за ним. В коридоре послышался едва уловимый шум. Байкер выключил фонарик, стало темно и страшно.

Дверь тихонько скрипнула, отворилась, ипустила в комнату электрический свет. Дрожащая от нервного напряжения Маргарита впиалась взглядом в вошедшего человека. Она узнала его и закричала изо всех сил, желая предупредить об опасности.

Только опоздала: пущенная байкером стрела пробилa торс Крылова насквозь. Василий Михайлович сумел устоять, и тогда байкер достал армейский нож. Но раздался выстрел, и байкер с простреленной головой рухнул на пол.

Маргарита забилась в истерике. Несмотря на страшную боль, Крылов сделал шаг, опустился на колени, протянул сквозь решетку руку и крепко сжал её за запястье. Маргарита сразу почувствовала себя лучше и перестала кричать. Она стала смотреть, как комната наполняется людьми в куртках с надписью ФСБ. Ими командовал очень похожий на Крылова человек с добрыми глазами и дымящимся пистолетом в руке. Маргарита поняла, что спасена, и от счастья потеряла сознание.

ЧАСТЬ 2

«ХИЩНИК И ЖЕРТВА»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Серпуховской мэру Павлов слыл среди земляков человеком с талантами. Они проявились еще в молодости, когда он работал мастером на заводе ЖБИ. Как-то жена, в то время заведующая продуктовым магазином, попросила его изготовить объемные буквы «ОВОЩИ». Павлов проявил смекалку, вывеска вышла замечательная.

Благодаря первому успеху заказы посыпались во множестве, и через несколько месяцев Павлов открыл собственный бизнес – рекламное агентство. Но приличные деньги появились, когда Павлов начал заключать договора с городской администрацией. Правда, часть зарабатываемых средств властная структура заставляла вкладывать в убыточные городские газеты. Разорительное условие сотрудничества на деле оказалось везением: впоследствии при помощи масс-медиа будущий мэр создал себе имидж.

С годами у Павлова появился приятель Фетисов, предприниматель из Серпуховского района. Павлов никогда не дружил с ним по-настоящему. Их отношения держались на сходстве характеров: Фетисов действовал в бизнесе и политике так же, как и Павлов.

Когда им самим захотелось во власть, они со скандалом баллотировались, загадочно выиграли выборы, и уверенно стали первыми лицами, каждый в своем уделе. После объявления результатов голосования Павлов и Фетисов на самой высокой точке города и района – Соборной горе прыгали от счастья, обливались шампанским и кричали: «Пусть все знают! Теперь мы тут хозяева!».

Затем они стали распространять слухи о взаимной вражде: так выгоднее было торговать государственной землей. Четкие границы между городом и районом отсутствовали, и в кабинетах у глав администраций висели кадастровые карты, по которым они разыгрывали виртуозные денежные комбинации с местными предпринимателями. Бизнесмены бегали со слезами на глазах между Павловым и Фетисовым, взывая к их разуму, а политики ссылались на разногласия и тайно подсчитывали прибыль.

Мало кто в городе знал, что, если первые лица хотят уладить вопрос, они всегда приходят к согласию. Их взаимопониманию способствовал очень крупный объект, которым оба гордились. Его история начиналась трагично: как-то в молодости Павлов и Фетисов отправились на охоту. Случайно вышло так, что Павлов, из карабина Фетисова, выстрелил в егеря.

Охотники сочли человека мертвым, испугались, и убежали, оставив егеря в лесу. Однако через час одумались и вернулись. Кроме лужи крови, ничего не нашли. По всей видимости, егерь пришел в себя, и попробовал выбраться из леса. Однако смерть все-таки настигла несчастного.

Павлов часто просил Фетисова отдать ему злосчастный карабин. Мэр испачкал руки в крови, на прикладе остались отпечатки его пальцев. В ответ Фетисов резонно замечал, что серийный номер на карабине выведет на него, владельца, и отказывался.

Они не могли договориться даже о том, чтобы вместе уничтожить оружие. Фетисов настаивал, что они поступят так, если в лесу найдут истлевший труп, а уголовное дело за давностью лет не будет открывать.

Взойдя на вершину власти, Павлов предложил Фетисову на месте их трагической охоты построить парк развлечений. Таким способом, втихаря, найти останки егера, захоронить, и закрыть беспокоящий их вопрос окончательно. После раздумий Фетисов согласился. Они выделили землю от обеих администраций, скинулись деньгами, и процесс стартовал.

Парк увеличивался с каждым годом. Первоначальной цели «охотники» не достигли, однако у них получилось другое – они создали в Подмосковье центр отдыха с такой славой, что посетить его не гнушались даже высокопоставленные российские чиновники.

Павлову и самому нравилось гулять по парку, глядя на рестораны, спортивные сооружения, гостиницы, и все остальное, что в нем построили. Он думал, что не зря прожил жизнь, есть, что оставить детям.

Однажды Павлов набрел на охраняемую территорию с домом, окруженным забором из колючей проволоки. Он позвонил к Фетисову и спросил, почему его не пускают. Фетисов ответил, что в доме живут умалишенные сиротки, изолированные из сострадания. Павлов прикинулся, что поверил Фетисову, а после забыл про случай.

Разговор произошел перед новым годом, хлопоты не давали передышки. Павлов готовился выступать перед многочисленной аудиторией с подведением итогов года здесь же, в парке, в конференц-центре.

Выступление удалось, много рукоплескали.

После него Павлов вручал грамоты и ценные подарки отличившимся за год серпуховичам: учителям, спортсменам, артистам. Когда дошла очередь до руководителя детдомовского хора, сотрудницы отдела культуры Татьяна Яр, она также поздравила мэра с наступающим. Очень красивая девушка, обладательница спортивной фигуры, Татьяна исполнила танцевальные па, произнесла стихи собственного сочинения, и преподнесла мэру цветы. Зал дружно захлопал ее молодости и находчивости. Только случилась оказия: тонкую кожу девушки проколол шип розы.

Яр от вида раны подурнело, у нее закружилась голова. Мэр не растерялся, подхватил девушку, и принялся останавливать кровь ее же платком. Неприятная заминка вышла короткой, и не осталась бы ни у кого в памяти, если бы не одно но: мэр тоже испытал головокружение. Конечно же, не от вида крови, а от самой девушки. Павлов никак не мог отпустить Татьяну, он удерживал ее в объятиях, и уже собрался специально давить на кровоточащий палец, намереваясь продлить мгновения близости.

Первым заметил, что с мэром что-то не так, сотрудник компьютерного отдела Александр Бах. Он стоял рядом с начальством, держа в руках подарок для Татьяны – планшет. Бах спас Павлова от конфуза: буквально вырвал девушку из его рук и произнес несколько шуточных слов в микрофон. Смущенная артистка убежала, за ней ушли и дети хора.

Далее торжественный вечер двигался по накатанной колее, вплоть до торжественного банкета, где все сильно напились.

На следующий день мэр проснулся с головной болью. Он любил выпить, иногда ненадолго уходил в запой. Однако сейчас Павлову казалось, что ему плохо и одиноко, как никогда.

Постанывая от головной боли, он сел на огромной белоснежной кровати в своем поместье на берегу Оки, и первым делом опохмелился тем, что заботливо оставила ему жена. Сама она уже уехала на работу, руководить их бизнес – империей.

Когда полегчало, мэр подошел к прозрачной стене из стекла, и посмотрел на привычный вид необыкновенно красивого леса и реки: Фетисов любезно оформил Павлову в собственность часть территории заповедника. Владение радовало мэра поначалу, теперь вызвало оскомину. Сегодня потому, что перед входом стоял мерседес со скучающим водителем, напоминающим, что нужно ехать на работу. А вдалеке нарушали тишину экскаваторы, нанятые женой для постройки ее очередного мега проекта.

Павлов тяжело вздохнул и направился в душ.

На выезде из заповедника Павлов приказал водителю остановиться и принялся рассматривать резной деревянный столб, который венчала голова с большим стеклянным глазом во лбу.

Озадаченный Павлов позвонил к Фетисову.

– Юра, привет! – поздоровался он.

– Здравствуй! – ответил Фетисов. – Я слышал, вчера у тебя официальный вечер удался! Голова как, не болит?

– Немного, пройдет! – ответил Павлов. – Я звоню узнать, что ты такое возле нашей дороги поставил?

– Тотем, от нечистой силы! – объяснил Фетисов.

– А что за изображения на нем? – поинтересовался Павлов.

– Моя родословная, какое есть имущество, желания, опять же, – объяснил Фетисов.

– А герб России здесь причем? – спросил Павлов.

– Так я же патриот! Мне Российское государство дорого! – горделиво заявил Фетисов.

– А такая страшная голова для чего?

– Она злых духов отгоняет! Чем страшнее, тем лучше! Духи увидят, испугаются, и не будут меня беспокоить! – объяснил Фетисов.

– Ты меня поразил! – засмеялся Павлов. – И где такой столб изготовить? Или у тебя эксклюзив?

– Ну, почему! Я не один такой, сейчас у многих есть. Кстати, это твое рекламное агентство мне эскизы рисовало. Так что, у тебя все возможности под рукой. Сделай, обряд проведи, и пользуйся на здоровье!

– Какой обряд? – удивился Павлов.

– Глаз должен видеть нечистую силу. Отдельная история, я тебе потом объясню. Сейчас некогда! – заторопился Фетисов.

– Хорошо! – согласился Павлов и дал отбой.

По прибытии в мэрию Павлов, желая показать, кто тут главный, устроил нагоняй попавшимся на глаза сотрудникам: мужчине, начальнику компьютерного отдела, и женщине, управляющей земельным комитетом. Потом прошел в свой кабинет, уселся на рабочее место, и с каменно-брезгливым лицом углубился в изучение деловой корреспонденции, поступившей по электронной почте.

Секретарша принесла кофе и печенье на подносе. Девушка была особой темой в жизни Павлова. Он приблизил ее еще в рекламном агентстве, куда она пришла работать совсем молодой. Все сотрудники сразу заметили, что новенькая выглядит привлекательно. Разговоры о ней заинтересовали Павлова, и он решил, ради озорства, когда она впервые зашла в его кабинет, дать волю рукам. Девушка не сопротивлялась. У Павлова вошло в привычку иногда баловаться с ней.

Разумеется, заступив на должность мэра, он забрал ее с собой.

Однако годы шли, старел не только Павлов. Он как-то заметил, что секретаршу ему видеть не хочется. А девушка почувствовала скорую немилость и принялась настойчиво предлагать себя едва ли не при каждом удобном случае. И не только мэру, а всем его замам и предпринимателям, которые задерживались допоздна в кабинете Павлова за бутылкой виски.

Секретарша отчаянно желала получить должность повыше, или выйти замуж за обеспеченного мужчину. У нее не получалось ни то, ни другое, и чем явственнее она хотела этого, тем противнее становилась Павлову.

Сейчас секретарша не почувствовала, что мысли шефа заняты желанием выпить. Она поставила поднос и прогнулась, пытаясь показать себя в выгодном ракурсе. Павлов ощутил легкую тошноту. Он смущенно закашлял и случайно задел рукой кнопку на компьютере. Экран монитора засветился белым светом и раздался писк, сообщающий о повреждении.

Виновница происшедшего засуетилась, захлопотала: «Ах! Ах! Мэру плохо!». Павлов погнал ее, обвинив в том, что она мешает работать. Потребовал вызвать кого-нибудь из компьютерного отдела, только не руководителя, ужасного дурака.

Девушка в расстройстве ушла. Павлов ощутил пот на лбу, полез в карман за носовым платком, и стал вытирать им бритую, похожую на бильярдный шар, голову. Но неожиданно его смутил запах от платка. Пахло не парфюмерией, нет, слегка отдавало хозяйственным мылом. Однако была еще составляющая запаха, и Павлов не мог сообразить, что напоминает ему она.

Только то, что аромат волновал, от него чаще билось сердце и на душе становилось сладко, как от первого в жизни поцелуя, было абсолютно точно. Мэр с недоумением посмотрел на платок и понял, что вещь не его, а той, вчерашней девочки, весь измазанный ее кровью. После того как она убежала, он по ошибке положил платок в свой карман. Мэр закрыл глаза и еще раз понюхал. И вновь испытал волнение.

В столь щекотливый момент мэра застал сисадмин Александр Бах, которого для починки компьютера вызвала секретарша. Мэр быстро спрятал платок в карман. Но Бах своим острым зрением успел его заметить, и на лице сисадмина мелькнула неопределенная улыбка.

Мэр замешкался, как мальчик, пойманный родителями на срамном деле. Он покраснел, пробормотал что-то властное и неразборчивое, встал, и ушел в буфет на нижнем этаже, где специально для него держали армянский коньяк и бутерброды с черной икрой..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Татьяна Яр. Что можно рассказать о человеке восемнадцати лет? По большому счету ничего, если она живет обычной жизнью своих сверстников. Но ситуация в семье заставляла Татьяну быть взрослой с детства. Мать родила ее в позднем возрасте, годы спустя после того, как муж по пьянке покончил с собой. После трагической смерти матери в автомобильной аварии, старший брат Татьяны, алкоголик и наркоман, оформил девочку в детский дом. Он не хотел присутствия Татьяны на кухне их однокомнатной квартиры, где она оборудовала себе угол. Брат водил женщин, бурные оргии не утихали.

По прошествии лет интерес к дамам ослаб, и брат занял себя мыслями о самоубийстве. Он работал санитаром в морге, и, если в выходные дни не валялся в алкогольном забытье, то развлекал себя тем, что часами играл с заряженным ружьем. Когда Татьяна сбегала из детдома домой, он угрожал ей. Однако Яр, хоть и боялась ружья, не уходила.

Постепенно брат понял, что с сестрой жить выгоднее: ей начала помогать живущая за границей престарелая родственница. Из ее денег Яр оплачивала счета за квартиру и покупала продукты на двоих.

Татьяна надеялась, что сосуществование с братом когда-нибудь закончится, и она получит положенную ей по закону муниципальную жилплощадь. Одно ее смущало – горожане шептались, что бесплатные квартиры получают лишь те очередники, которые знают «подход» к мэру. Чтобы найти этот «подход», Татьяна после окончания школы решила устроиться на работу в администрацию города.

К заявлению Татьяна приложила сочиненные ею песни для детского хора, а так же грамоты по плаванию – спорту под патронажем самого мэра. Вышло удачно, Татьяну приняли. Она стала младшей сотрудницей в отделе культуры и спорта Серпуховской городской администрации.

Уже в первый трудовой день Яр обратила внимание на то, как мэр появляется на работе: мерседес градоначальника гордо останавливался перед центральным входом, на специально отведенном месте. И разумеется на самого Павлова, шествующего по коридорам мэрии с обязательным открыванием дверей заботливым водителем. Будоражило воображение девушки и гадание аппарата о том, какое у него сегодня настроение, и что лучше сделать – показаться ему на глаза, с почтением поздороваться, или затаиться и переждать бурю?

Короля играет свита. То, как эта свита роилась и заискивала перед мэром, сильно подействовало на Яр. До этого девушка не встречала так близко властных и богатых людей, Павлов показался ей высшим существом. Особый ореол ему придавал и тот факт, что только после его подписи она обретет желанную комнату.

Поэтому, едва Татьяна узнала, что на новогоднем концерте мэр вручит ей подарок и позволит сказать несколько слов, она постаралась подготовиться к событию на все сто процентов. Девушка не надеялась быстро получить ордер, но надо же с чего-то начинать продвижение к заветной цели!

Яр решила подарить мэру цветы, уж если представляется такая возможность, и не пожалела денег на роскошный букет роз. Когда наступил момент, она сумела подать себя в выгодном свете, и даже сорвала аплодисменты в зале.

Раскрасневшись и получая удовольствие от своей находчивости, Яр подошла к мэру слишком близко. Ближе, чем это следовало для приличной молодой девушки. В результате смутилась, потерялась, и к тому же поранилась. То, что последовало за этим, оказалось для ее сознания тяжелым испытанием, неким душевным грузом, который она хотела бы забыть, но не могла.

Татьяна была девственна, а ввиду тяжелой жизни, еще и невинной вдвойне: она и в мыслях никогда не представляла отношений с противоположным полом. Ее сверстники, чувствуя в ней твердость характера, не посылали любовных посланий и не приглашали на свидания. Татьяна вела некое бесполое существование, где главным было выжить. И вдруг, совершенно того не ожидая, она оказалась в объятиях зрелого мужчины, в ее понимании, некоего полубога, вершителя городских судеб.

Причем, по своей вине. Особенно потрясло ее то, что вначале он пытался остановить кровь из ее пальца, а потом жал на него сильнее. Девушка не могла представить, чем бы все закончилось, если не помощь находчивого Александра Баха.

Придя домой после этого случая, Татьяна привычно пострадала от брата. Он купил очередное средство для самоубийства – газовый револьвер, переделанный под стрельбу боевыми патронами, и играл новым оружием в русскую рулетку. Хотел, чтобы Татьяна увидела, как его мозги вылетят наружу. Брату нравилось, что зрачки сестры испуганно расширяются всякий раз, когда он нажимает на курок.

Однако вскоре Яр надоело смотреть. Она поняла, что патроны фальшивые, и выстрела не будет. Но, не желая, чтобы брат придумал другой способ мучить ее, она еще немного поохала, и только после этого направилась на кухню с просьбой, чтобы он разбудил ее уже после того, как окончательно поставит точку в существовании своего брэнного тела. Брат обиделся. Желая досадить сестре, он демонстративно достал пакет с коноплей и смастерил гигантскую самокрутку, от дыма которой у сестры всегда болела голова.

А Татьяна заперла за собой железную дверь на две задвижки, легла на узкую деревянную скамью, заменяющую ей кровать, и попыталась оценить сегодняшний день.

В отличие от большинства своих сверстниц, мечтающих о славе моделей, Татьяна перед сном обычно фантазировала об отце. Вначале Яр припоминала малейшие события, которые можно было трактовать в пользу его реального существования. Звонки матери по телефону, когда она краснела и не хотела, чтобы девочка знала, кто собеседник. Встречи с мужчиной, после которых мать волновалась и не находила себе места. В памяти Татьяны не сохранилось лица или голоса неизвестного. Поэтому она могла представлять любого, поразившего ее человека, отцом, желающим воссоединения с дочерью.

Яр никогда не думала, что ей хочется от мифического отца: любви или решения бытовых проблем? Татьяна была одинокой запутавшейся девочкой, и отчаянно желала встречи с родственной душой. Ей даже в голову не приходило, что отец мог давно умереть или сидеть в тюрьме.

Так в ее воображении уже побывали на месте родителя и учитель физики в школе, и тренер по плаванию, и член союза писателей, вручавший Татьяне диплом за победу в творческом конкурсе. И много других мужчин, подходивших по возрасту, и встреченных ею на улице в маленьком Серпухове. Наверное, единственный человек, в отношении которого она еще не фантазировала, был Павлов. До сегодняшнего дня, это казалось ей совершенно невозможным.

Но происшествие на праздничном предновогоднем мероприятии выглядело необъяснимым. Татьяна не знала, как к нему относиться. Она ворочалась, не находя себе места. Скамейка казалась ей жестче, чем обычно, а звуки большой дороги за окном – громче. Наконец она решила: Павлов ее отец, он выдал себя, обнимая ее, а кровь Татьяны нужна ему для проведения теста ДНК. Вот почему мэр не вернул платок, а положил в карман.

Такая версия сразу принесла Татьяне облегчение. Она и вправду его дочь! Как только Павлов удостоверится в этом, ее жизнь чудесным образом изменится. Превратиться в сказку! Татьяна улыбнулась, пустила от предвкушения счастья слезинку, и заснула блаженным сном...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

После новогодних праздников Павлов проснулся в прекрасном расположении духа. Он благодушно осмотрел спальню с недавно купленными картинами на стенах, и заметил, что возле туалетного столика жена примеряет парик.

– Тебе очень идет, – сказал Павлов, чтобы довести до ее сведения, что он уже не спит. Жена не ответила ему, она никогда не спрашивала его мнение о своей внешности. Делала с собой, что ей нравилось: вживляла протезы, колола омолаживающие уколы. Но как ни странно, все это, призванное улучшить внешность женщины, жену ухудшало. Павлов всегда хотел поинтересоваться, однако никогда не спрашивал, есть ли у нее любовники. У них существовал негласный супружеский договор: каждый получал от жизни те удовольствия, какие хотел.

– Зинаида! – решил добиться общения мэр, – строительство причального комплекса и покупка яхт обойдется дорого!

– Да! – согласилась жена, расчесывая парик, – дорого. Но я так хочу. Ведь сейчас наш пляж выглядит по-сиротски! Никого в гости нельзя пригласить, смеются! Посмотри, что делается у Фетисова этим летом! Кто приплывает, и на чем! Богема, политики! Юра уже набережную строит, а у нас даже маленького причала нет!

– Меня от Оки тошнит, там вода тиной пахнет, и мутная, не люблю я ее! – Недовольно пробурчал Павлов.

– Не люби, кто тебя заставляет! – засмеялась жена, видимо от хорошего настроения, – я и крытый бассейн на берегу запланировала. Будет круче, чем у Фетисова. Сможем в любую погоду загорать и купаться.

– О-хо-хо! – произнес Павлов, и без энтузиазма добавил, – городских денег потратим немерено!

– Окупятся! – с примирительной интонацией сказала Зинаида, – если мы хотим подняться, придется тратиться на нужных людей!

– Кстати, о Фетисове! – вдруг вспомнил мэр, – а ты видела его тотемный столб?

– Не только видела, – ответила Зинаида, – но и участвовала! Наше рекламное агентство считается одним из лучших центров по разработке дизайна тотемных столбов. Я же тебе говорила, что мы купили большой 3-д принтер!

– Говорила! – согласился мэр, – да не сказала, для чего!

– Изготавливаем макеты тотемов для заказчиков. – Объяснила жена.

– А в натуральную величину из чего делают? – поинтересовался мэр.

– Да кто из чего! Чем экзотичнее материал, тем лучше. Губернаторы, например, из Каррарского мрамора. Федеральные министры гранит предпочитают. Военные льют из редких металлов, а Фетисов, вон, сделал из мореного дуба. Но всех переплюнул глава правительства – купил у президента Мексики камень из пирамиды майя. Серьезный подход, впечатляет!

Павлов вдруг почувствовал, что безнадежно отстал от просвещенного человечества в теме, которая, как оказывается, у всех на слуху!

– А что же ты молчала? – с обидой спросил он жену, – Выходит, Серпухов чуть ли не на всю страну работает, а у самих пусто? Что, опять сапожник без сапог? И как я избирателям в глаза смотреть должен? Проворонил? Ведь ни у меня, ни у города, тотема нет! Мы совсем беззащитны перед нечистой силой!

Зинаида не ответила ему. Тут следует отметить, что жена мэра, как и жены всех российских политиков, занималась видимостью благотворительности. Только делала это Зинаида Павлова своеобразным способом. Она не состояла в какой-нибудь одной общественной организации. Жена мэра поочередно посещала собрания всех сект города. Божьи люди любили ее за небольшие пожертвования и бесплатные обеды в период сильных морозов, хотя Зинаида не могла упомянуть, кому она оказывала внимание. Каждый, кто говорил слово Бог, становился на несколько минут ее братом или сестрой. Она и сама, в устной речи, часто употребляла различные имена, которые считала именами Всевышнего. То, что среди них были и никому неизвестные, Зинаиду не смущало. В личных беседах она часто намекала на некие «откровения», и говорила, что полное раскрытие Божественной правды еще не наступило.

Также на бланках всех предприятий, которыми управляла Зинаида, в той или иной форме, иногда зашифрованной, присутствовало слово Бог. Вершиной мысли жены в этом направлении была огромная стела на въезде в город с надписью «Вы поблагодарите Бога за то, что решили сотрудничать с промышленной группой «Сер +»»

И сейчас Павлов, хорошо зная жену, догадался, почему она, если бы после подтяжки лица смогла, нахмурилась.

– Зинаида, – добродушно сказал он – мы же можем на нашем тотеме разместить и кое-что твое, сугубо индивидуальное!

– Бог выше всех, ему не нужна защита! – запальчиво произнесла Зинаида.

– Ему, разумеется, нет. Только Он же там, наверху! Мы туда после смерти попадем. А тут, на земле, кто от нас злых духов отпугнет? Значит, у всех есть катера и пристань, и нам нужно. А когда все с тотемом, мы, из-за твоего упрямства, без него обходимся? И кого тогда ты хочешь на незащищенную территорию пригласить? Кто приедет к такой отсталой деревенщине, как мы? О каком развитии ты мечтаешь? Да над нами смеяться будут! Если уже не смеются! – Павлов так разволновался, что вскочил с кровати. Он подошел к стеклянной стене и встал так, что бы жена, глядя на него, видела и свою стройку на берегу Оки. Зинаида Петровна была женщиной умной, и принимала важные решения быстро.

– Хорошо! – сказала она, с поджатыми губами принимаясь красить веки, – я пришлю к тебе нашего лучшего дизайнера. Но учти, как бы тебе потом не пожалеть. Если наш тотем ока-

жется слаб, его сожрут другие тотемы. Или, победят злые духи! Мы пойдем ко дну, не успеешь глазом моргнуть. Тебе придется очень постараться, мой дорогой мэру, иначе мы погибнем!

Как и всегда, Павлов добился своего. Но от слов жены его прошиб пот, ему стало не по себе.

Оказавшись на работе, градоначальник в своем кабинете провел несколько совещаний. Но дело, о котором он говорил с женой, никак не шло из его головы, и вызывало рассеянность. Павлов с нетерпением ожидал обещанного супругой дизайнера. Это произошло после обеда, и лучшим специалистом по тотемам оказалась, к удивлению мэра, девушка модельной внешности с густой копной волос на голове.

Она разложила на столе Павлова бумажные эскизы, а вдоль стен расставила плакаты с фотографиями готовой продукции. Затем загрузила в компьютер файлы из интернета и начала говорить:

– Посмотрите сюда! Обратите внимание на это! Эти изображения означают...

После мучительных попыток проникнуть в суть вопроса мэру осознал, что ничего не понимает, и запомнить не может. Уловив состояние начальства, девушка замолкла. Она стояла рядом, на том месте, где обычно принимала соблазнительные позы секретарша. Погруженный в размышления, Павлов машинально принялся делать то, к чему привык.

Девушка пришла на доклад к начальству морально подготовленной, коллеги рассказали ей об особенностях мэра. Но грубость Павлова заставила ее заскрипеть зубами. Павлов сразу очнулся от дум и сообразил, что рядом с ним совсем другая мадам. Он смутился. Градоначальник не хотел, чтобы его на работе преследовали жаждущие повышения нимфоманки.

– Ступай! – сказал мер дизайнеру, вернув руку на подлокотник кресла, – что принесла, потом заберешь, мне осмыслить надо!

Взбодороженная девушка открыла рот. Похоже, у нее была просьба личного характера. Но мэру не дал ей говорить, повторив:

– Ступай! Мне некогда!

После ухода дизайнера мэру вспомнил, что женский запах порой служит ему лучшим лекарством от стресса. Он поднес свои шаловливые пальцы к носу, закрыл глаза и вдохнул, как вдыхает парфюмер запах с пробника, чтобы уловить аромат духов. Вместо ожидаемого душевного волнения и мурашек по коже, как от платка Яр, мэру от запаха дизайнера так рявкнул чихом, что несколько бумаг слетело со стола.

Вытерев лицо влажной салфеткой, Павлов ради эксперимента достал из кармана платок Татьяны, который для лучшей сохранности носил в двойном герметичном пакете. Он расслабился в кресле, откинул голову назад, закрыл глаза и положил платок на лицо. Несмело вдохнул, опасаясь, что волшебство закончилось. Однако настроение, с каким он обнимал Яр, вернулось! Павлову почувствовал себя так, как будто он в солнечный день катается на качелях, и у него от счастья кружится голова.

В этот момент, без стука, как она поступала, чтобы подчеркнуть свои особые отношения с мэром, в кабинет вошла секретарша. Увидев на лице шефа платок с пятнами крови, девушка решила ... да не важно, что именно. Главное, она истошно завопила и бросилась спасать Пав-

лова от страшного приступа несуществующей болезни. От неожиданного крика, раздавшегося в тишине кабинета, у мэра и в самом деле едва не случился апоплексический удар.

– Заткнись, дура! – заорал побагровевший Павлов на секретаршу, лихорадочно пряча причину ее воплей в карман. Девушка испугалась его ярости и сразу замолчала.

Дуэль глазами начальника и подчиненной мы описывать не будем. Скажем только, что она была продолжительной. После нее расстроенная девушка убежала в женский туалет плакать и жаловаться на жизнь подругам, а злой Павлов пошел в буфет попить коньячку и проверить, как обстоят дела с черной икрой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

После того как Татьяна решила, что Павлов ее отец, она постоянно представляла, как он признает в ней дочь. Вначале девушке казалось, что это произойдет в кабинете мэра, в окружении его ближайших соратников. Потом ей пришла в голову мысль, что будет лучше объявить в актовом зале, под бурные аплодисменты всех сотрудников мэрии. А как-то в полусне, уже перед рассветом, Татьяне намечталось, что мэр устроит торжественный прием в ее честь в своем поместье на берегу Оки, где она никогда не была, но теперь обязательно будет. Павлов возьмет ее под руку, и поведет по красной ковровой дорожке. А приглашенные горожане будут сыпать лепестки роз ей под ноги, в знак утешения пережитых в сиротстве невзгод. Татьяна поднимется на небольшую сцену с цветными фонариками, и... вместо прекрасной речи Павлова девушка услышала приглушенный револьверный выстрел.

Татьяна ужаснулась и мгновенно проснулась.

Реальность оказалась суровой: за стенкой приглушенно стонал брат. Мучается без водки, или у него случился самострел? Татьяна подошла к двери, открыла засовы, и с осторожностью выглянула из кухни. Она увидела лужицу крови с лежащим возле нее револьвером, и скрючившегося от боли брата, зажимающего ладонью пулевое отверстие в бедре. Как всегда, при виде крови, Татьяну потянуло упасть в обморок. У нее закатились зрачки и ослабели колени, но тут входная дверь заходила ходуном от ударов прибежавшего на шум соседа.

– Не вздумай открывать! Если вызовет полицию, меня за оружие посадят! – Угрожающе прошипел брат.

Яр пришлось побороть приступ дурноты и крикнуть соседу, что все в порядке. Тот не поверил, он подозревал об увлечении брата оружием. Татьяна начала уверять, что она дома одна, брат на работе. И никого она не выпустит, потому что не одета. А подозрительный звук прилетел с улицы, от машин.

Согласилась, не снимая цепочки, приоткрыть дверь и показать лицо с правдивыми глазами, что и сделала. Сосед ушел, матерно проклиная автолюбителей.

Татьяна повторно захотелось упасть в обморок. Однако брат стал убеждать, что ей падать нельзя: крови в нем мало, и если истечение продолжится, то, несмотря на неглубокую рану, он скоро умрет.

У Яр мелькнула мысль – «неплохо бы!». Но она отогнала ее, и под руководством брата принялась оказывать ему первую помощь.

Утреннее происшествие так вымотало Татьяну, что она пришла в городской бассейн совершенно разбитой. По определенным дням тренировки для сотрудников администрации были бесплатными и обязательными.

По месту в раздевалке сразу определялось, на каком удалении от центра власти находится человек. Шкафчик возле окна, где светло, а зимой еще и тепло от батареи отопления, занимала секретарша Павлова. Далее за ней шли начальницы отделов, и возле самой двери, на сквозняке, мешая всем входящим и выходящим, ютилась Татьяна.

Девушка привычно приложила к замку магнитную карточку, и с удивлением обнаружила, что дверца не открывается. День еще толком не начался, а у нее сплошные неприятности! Татьяна направилась к администратору, но в дверях столкнулась с секретаршей мэра.

Всегда красивая и высокомерная, эта особа двигалась по жизни с высоко поднятой головой. Такую, как Яр, она не замечала. Сегодня все изменилось – расплывшись в благожелательной улыбке, секретарша вначале проявила сочувствие к утомленному виду Яр, а потом и к недоразумению с замком. Татьяна пожалела, что заочно недолюбливала, этого, как теперь выяснилось, неплохого человека. Особенно Яр расположилась к ней, когда секретарша предложила воспользоваться ее шкафчиком.

– Он просторен, – сказала она, – для тебя найдется уголок!

Уже почти приятельницы, они переодевались, весело болтая. Секретарша вдруг вспомнила, что с утра не курила, и с сигаретой отошла к форточке.

– А ты... плотная! – сказала она, затягиваясь дымом и разглядывая Яр, – мужики таких, любят. Одно я не пойму, где ты исподнее купила? В секунд-хенде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.